

Слепое пятно

Автор:

Андрей Плеханов

Слепое пятно

Андрей Вячеславович Плеханов

Иштархаддон #1

Странные и зловещие события начинают разворачиваться вокруг скромного научного сотрудника Игоря Маслова. В городе появляется его двойник, хладнокровный и жестокий убийца. Гигантское пятно мертвого тумана погребает под собой жилые кварталы. Орды древних воинов, вооруженных автоматами и гранатометами, возникают на улицах современного города и превращают его в руины. Что это – причудливые галлюцинации главного героя или масштабная техногенная катастрофа, вызванная бесконтрольным развитием виртуальных компьютерных технологий?

Андрей Плеханов

Слепое Пятно

(Иштархаддон-1)

Автор выражает благодарность за помощь в работе над книгой Валерию Барабанову, Сергею Лифанову, Сергею Барсову, Андрею Червонному.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Игорь ворвался в здание исторического факультета Университета как вихрь – протаранил входную дверь, едва не сбив с ног парочку студенток, медлительных по причине утренней невыспанности. Девочки испуганно чирикали и возмущались где-то сзади, а Игорь уже неся по коридору первого этажа. Полы расстегнутого черного пальто крыльями развевались в воздухе, каучуковые подошвы ботинок выбивали торопливые удары по рассохшемуся паркету. Игорь опаздывал на работу. Как обычно. Опоздания были его хронической болезнью и ничто не могло помешать ему в этом. Игорь Маслов опаздывал всегда, и каждый раз ровно на пятнадцать минут. Своеобразная пунктуальность. А может быть, он использовал эти бешеные утренние пробежки в качестве метода поддержания хорошего здоровья?

Вряд ли... При ближайшем рассмотрении бегущего Игоря Маслова (слегка притормозив его жеребячий галоп для покадрового анализа траектории движений) можно было сделать вывод, что он находится далеко не в лучшей физической форме. Итак: длинные голенастые ноги вихляются на ходу, норовя зацепиться друг за дружку. Правая рука прижимает к груди старый кожаный портфель, левая же описывает в пространстве бестолковые кривые, не попадая в такт ногам. Рот Игоря Маслова судорожно хватает воздух, пытаясь обеспечить активно работающее тело необходимым количеством кислорода. Очки взмокли от пота, сползли на кончик носа и держатся там непостижимым образом, нарушая законы земного притяжения. Одним словом, манеру бега младшего научного сотрудника Игоря Маслова трудно было назвать спортивной. Скорее он напоминал голенастого раненого журавля, спасающегося от хищного зверя.

При всей забавности утреннего бега аспиранта Маслова по коридору не было в нем ровным счетом ничего необычного. Однако в этот день кое-что выходило за рамки привычного стандарта. Если бы Маслов остановился на секунду, он обнаружил бы, что периодически встречающиеся на его пути сотрудники застывают на манер столбов и смотрят на Маслова вытаращенными глазами. Само собой, Игорь не видел этого. Он опаздывал.

Необычность ситуации Игорь ощутил лишь тогда, когда миновал два коридорных поворота и добрался до аудитории, в которой должен был вести занятия. Он приготовился увидеть обычную картину: стайки студентов вдоль стен, ехидные ухмылочки, перемигивание, добродушные реплики: "Доброе утро, Игорь Михайлович. С прибытием вас. Что новенького? Будильник встал? Маршрутка сломалась?.."

Коридор был идеально пуст.

"Опа! – сказал себе Игорь. – А где же эти оглоеды, бездельники и неучи? Кому сегодня я буду нести свет знаний?" На всякий случай он посмотрел на часы. Может быть, он перепутал что-то и прибыл сегодня раньше обычного? Да нет. Ровно восемь пятнадцать. Тютелька в тютельку.

Игорь приоткрыл дверь в аудиторию и обнаружил, что занятия идут полным ходом. Все его студенты сидели за столами и внимательно слушали Леночку Калинину – аспирантку, коллегу Игоря.

Это что еще такое?! Ну да, опоздал он на пятнадцать минут. У него уважительная причина. Даже несколько причин – самых уважительнейших. Не зазвонил утром будильник и он проспал. А потом сломалась маршрутка. По пути он сменил три маршрутки и все они сломались. У них отвалились все колеса. К тому же он переводил через дорогу старушку. Или старичка. И долго объяснял гостям города как проехать на улицу Горького. Так или иначе, пятнадцать минут – не причина, чтобы подменять его и сажать к студентам Леночку Калинину. Хорошенькую аспирантку Ленку, которая никогда не опаздывает.

Маслов просунул в дверную щель правую половину лица и сказал:

– Доброе утро.

Реакция студентов удивила его. Как тут не удивиться, если в ответ на обычное "доброе утро" тридцать человек одновременно выпучивают глаза, открывают рты и, кажется, собираются залезть под стол. Игорь перевел взгляд на Леночку. Леночка ничем не отличалась от студентов – таращилась на Игоря так, словно он вернулся с того света.

– Елена Владимировна, – деликатно произнес Игорь, – позвольте вас на минуточку.

Леночка боролась со столбняком полминуты, очевидно, решая, стоит ли идти к Маслову или все же лучше залезть под стол. Наконец она решилась на первое и двинулась к выходу.

Она выскользнула в коридор и тут же захлопнула за собой дверь.

– Ты сбежал, да? – сказала она. – Так я и думала, что ты когда-нибудь сорвешься, тихоня. Ей-богу, я чувствовала, что сбежишь и припрешься сюда. Ты псих. И еще ты ублюдок.

Теперь наступила очередь Маслова открывать рот и впадать в ступор.

– Ублюдок? – переспросил он. – В каком смысле?

– Зачем ты сюда пришел? Тебя же поймают. Они уже приходили, спрашивали про тебя.

– Какие такие "они"? – Игорь изумленно мотнул головой. – Кто меня спрашивал?

– Милиция, само собой.

– Какая милиция?

– Наша, родная. Российская. Ты совсем сбрендил?

– Нет. Но кажется, сейчас свихнусь. Что случилось-то, Ленка?

– Ты еще спрашиваешь! – Леночка вспыхнула от возмущения, сжала кулаки. – Тебя же арестовали! Ты вчера четырех человек убил! Гад! Тебя по телевизору показали! По всей стране! Сволочь! Как ты мог? Ты с ума сошел...

Она отвернулась к окну, закрыла лицо руками и заплакала. Игорь оцепенело молчал – переваривал сюрреалистический бред сегодняшнего утра.

Двое университетских охранников в синей форме вынырнули из-за угла и решительно двинулись к Игорю. Он хорошо знал этих парней – Витю и Сашу. Не раз угощал их сигаретами в курилке. Теперь на их лицах не присутствовало ни малейшей доброжелательности. Саша похлопывал по ладони резиновой дубинкой, Витя на ходу расстегивал кобуру.

Они остановились в пяти шагах от Игоря. Напряженно застыли, ожидая, очевидно, что сейчас он набросится на них. А может быть, даже попытается убить.

– Маслов Игорь Михайлович? – хмуро спросил Виктор.

– Да. Что случилось, Вить?

– Поднимите руки.

– Да вы что, ребята?

– Руки подними! – гаркнул Виктор, щелкнул предохранителем и нацелил пистолет в лоб Игорю. – И не дергайся!

– А я и не дергаюсь, – сообщил Игорь, поднимая руки. – Вы это, ребятки, не пристрелите меня с перепугу. А то будете потом жалеть, что укололи невинного человека ни за что ни про что.

– Видели мы, какой ты невинный, – пробормотал Саша. – Всё уже видели. Поворачивайся. Пойдем.

"Вот и угощай таких сигаретами", – подумал Игорь.

* * *

Саша и Витя были, в сущности, неплохими ребятами. Только опыта по задержанию преступников у них было маловато. И экипировка их отличалась бедностью – не имелось даже наручников. Будь Игорь настоящим убийцей, он нашел бы способ удрать. Только вот не был он преступником ни в малейшей

степени. А потому безропотно дал связать себе ремнями руки и ноги, и сидел сейчас в профессорском кабинете – в знакомом кабинете, в знакомом кресле. Наверное, правильнее было бы запереть его где-нибудь в более надежном месте, но профессор настоял на своем. Под личную ответственность.

– Как же так, Игорь? – укоризненно сказал профессор Вязников. – Мы всегда знали вас как добрейшего человека, не способного мухи обидеть. Скажу начистоту – вы пользовались репутацией извините, можно так сказать... мягкотелого интеллектуала, по причине своей чрезмерной доброты постоянно наживающего себе неприятности. И вдруг такое... Такая безумная жестокость! Теперь я просто боюсь вас! Думаю, вам нужно будет пройти психиатрическую экспертизу. Вы и вправду ничего такого не помните?

– Все я помню. – Игорю хотелось говорить сейчас резче, но вот не получалось у него, хоть ты тресни. Прав профессор – бесхребетен он, Игорь Маслов, этакий жук-мягкотелка. – Владислав Николаевич, я прекрасно помню вчерашний вечер, вот ведь какая штука! Ни в каком музее я не был. Я провел вечер дома.

– В одиночестве?

– Не совсем... – Игорь вздохнул. – Я был... Ну, в общем, с девушкой.

– Я могу узнать ее имя?

– Я бы предпочел этого не говорить. Пока.

– Разве это была не Лена Калинина?

– Нет. – Игорь виновато вздохнул.

Профессор выпятил нижнюю губу, с интересом посмотрел на Игоря, покачал головой.

Пожалуй, Игорь предпочел бы сейчас, чтобы вчерашний вечер был проведен все же в одиночестве. Но алиби, чертово алиби... Судя по всему, он попал в большие неприятности и ему понадобится алиби. Хотя... Еще неизвестно, что лучше – попасть в камеру предварительного заключения по обвинению в убийстве, к

которому он не имеет никакого отношения, или открыть подробности вчерашнего вечера. Из огня да в полымя...

На кафедре Игорь Маслов считался официальным женихом Леночки Калининой. Причем Леночка была уверена в этом на сто процентов. И Игоря такой статус вполне устраивал. Во-первых, не приходилось оправдываться по поводу интимных отношений с Ленкой (а как скроешь их от болтливых кафедральных бабенок?) Во-вторых, папа Ленки возглавлял одну из кафедр факультета, и составлял, таким образом, протеже не только своей дочке благородных кровей, но и ее беспородному, но перспективному бойфренду. Учитывая специфическую тему диссертации Игоря, все это было не лишним.

Любил ли Игорь Ленку? Любил, конечно. Во всяком случае, после истории и интернета она стояла для него на почетном третьем месте. Но самое главное состояло в том, что Леночка Калинина любила Игоря. А значит, Игорь должен был принадлежать ей – как и все, что ей нравилось. Он и ей и принадлежал. Во всяком случае, телом.

Правду говорил профессор. Доброта и мягкость, доведенные до патологической степени – вот что губило Игоря Маслова. Всю жизнь его лупили все кому не лень, а он не мог дать сдачи. Всю жизнь шел на поводу у тех, кто желал им командовать, а такие всегда находились. Год назад на кафедру пришла Леночка – симпатичная, спортсменка и безукоризненная отличница. В первую же неделю знакомства, после хорошо проведенной вечеринки, она мастерским броском самбо кинула Игоря в свою постель. Впрочем, нельзя сказать, что она была опытна в искусстве любви – Игорю пришлось самому выступать в качестве учителя. Само собой, Ленка оказалась великолепной ученицей. Беспечный Игорь ловил кайф и не думал о последствиях. И через месяц обнаружил, что обрел нового покровителя в жизни – юную львицу Лену из могущественного университетского львиного прайда Калининых. Теперь она занималась проблемами Игоря и толкала его вперед – как маленький неутомимый буксир – большую медлительную баржу.

Так-то вот. Вчерашний прокол, почти невинная шалость, выросла теперь в грядущее извержение вулкана. "Последний день Помпеи", картина кисти Карла Брюллова. Игорь зажмурился. Когда Ленка узнает, что ее Игорь провел ночь (и не первую) с другой девушкой... Когда леночкин папаня, проф., доктор исторических наук В.Г. Калинин узнает, что девушка эта является студенткой исторического факультета... Когда ректору доложат, что сия студентка, именем

Нонкепо, является гражданкой Танзании...

"Скотина!!! – немедленно заорала Елена в голове Игоря. – Идиот! Кретин безмозглый! Нашел кого трахать – негритянку!!! Ты что, не знаешь, что у них там в Африке СПИД у всех поголовно?! Господи! Нашла себе жениха-козла. Что я отцу скажу?.."

Игорь втянул голову в плечи.

Черт с ним, с алиби. Пусть меня лучше посадят в тюрьму. В тюрьме меня, слизняка бесхребетного, быстро зарежут и кончатся мои муки. Осталось только выяснить – за что. Что такое я вчера якобы натворил?

– Владислав Николаевич... – Игорь осторожно приоткрыл глаза. – Я вас очень прошу... Ну вы же знаете... Я не могу ударить человека. Даже ударить не могу, не то что убить. Я в аспирантуру-то пошел, чтоб от армии откосить... Простите. Все это, с убийствами какими-то там, это явное недоразумение. Это все скоро выяснится. А вот то, что я вам про девушку сказал... Это я глупость со страху ляпнул. Не было у меня вчера никакой девушки...

– Лучше бы девушка была, – сказал профессор. – Для вас было бы лучше. Игорь, может быть, вы были пьяны вчера? Похоже, вы не отдаете себе отчета, какое ужасное преступление вы натворили...

– Какое?! – завопил вдруг Игорь так громко, что Владислав Николаевич вздрогнул, а охранник Саша, стоявший слева, предупредительно положил руку Маслову на плечо. – Ну что я там натворил? Может быть хоть кто-то мне что-нибудь расскажет?

– Вы что, новости по телевизору не смотрели?

– Как я мог их смотреть, если я, по вашим словам, уже вчера был арестован?!

– Действительно... – профессор озадаченно почесал кончик носа. – Как-то все это не согласовывается... Кстати, сейчас начинается программа "Вести". Я думаю, там это покажут. Будете смотреть?

– Буду, – сказал Игорь, проявив в голосе неожиданную твердость.

Профессор нажал на кнопку пульта и включил телевизор.

– Кровавая драма в Нижнем Новгороде, – сообщил телеведущий. – В Художественном музее этого города сейчас экспонируется знаменитая выставка из Лондона: "Сокровища Железного Века – тайны и открытия". Как сообщил нам один из организаторов выставки, известный американский ученый русского происхождения Моисей Израилевич Глинер, на экспозиции выставлены бесценные археологические находки из древних городов, погребенных тысячелетиями, – Ашшура, Ниневии, Вавилона, Микен и Мемфиса. В связи с этим приняты беспрецедентные меры охраны. Вчера, около семи часов вечера, молодой мужчина разбил стекло одного из стендов и завладел экспонатом – ассирийским мечом, уникальным произведением искусства, украшенным драгоценными камнями. Сработала сигнализация, охрана попыталась задержать мужчину. Однако мужчина оказал сопротивление... – Ведущий на экране скорбно шмыгнул носом. – Действуя мечом, он убил двоих охранников, вооруженных пистолетами, а также нанес тяжелое ранение одному из посетителей выставки, пенсионеру Ивану Алексеевичу Ледяеву, попытавшемуся оказать помощь охране. Насколько нам известно, Иван Ледяев скончался этой ночью в реанимационном отделении нижегородской Областной больницы имени Семашко, не приходя в сознание. Но скорбный список жертв на этом не заканчивается. Директор выставки, сэр Рэндолл, известнейший археолог, председатель Британского Географического общества, оказался в этот момент в соседнем зале. Он бросился на преступника и попытался выхватить у него оружие. – Телеведущий на мгновение трагично прикрыл веки – очевидно, для того, чтобы зрители не прочитали в его глазах: "Господи, ну и придурком же был этот самый Рэндолл! Куда совался?" – Джон Рэндолл убит на месте, – сообщил ведущий. – Сегодня стали известны некоторые подробности происшествия. О них расскажет наш корреспондент в Нижнем Новгороде Руслан Малышев.

На экране возник молодой человек с микрофоном в руках. Рядом с ним сидел усатый подполковник милиции. Физиономия подполковника не отличалась свежестью – видно было, что он не спал всю ночь.

– Мы находимся в кабинете старшего следователя по особо важным делам Петра Васильевича Еремина, – сказал корреспондент. – Петр Васильевич, вчерашнее убийство в Художественном музее потрясло не только Россию, но и весь мир. Что вы можете сказать о первых результатах расследования?

Он сунул микрофон под нос подполковнику.

– Убийца был задержан на месте преступления, – хмуро сообщил подполковник. – Сейчас он находится в изоляторе временного содержания управления внутренних дел. В отношении него проводятся следственные мероприятия. Преступник называет себя именем... э... – следователь взял со стола бумажку и водрузил на нос очки, – именем Иштархаддон и утверждает, что является иностранцем, подданным Сирии.

– Не Сирии, а Ассирии, дурень, – пробормотал Игорь. – Иштархаддон – это ассирийское имя. Какое отношение вся эта дрянь имеет ко мне?

– Нам удалось точно идентифицировать личность задержанного при помощи дактилографической и гематологической экспертизы, – продолжил подполковник. – Нам известно, кто этот человек. Это гражданин Российской Федерации, житель Нижнего Новгорода. Зовут его Игорь Михайлович Маслов, ему двадцать семь лет, он работает младшим научным сотрудником в Нижегородском государственном университете.

Игорь не верил своим ушам.

– Позор! – удрученно произнес профессор Вязников. – Какой позор!

На экране вновь возникло лицо корреспондента.

– Кадры, которые мы сейчас покажем, – сказал корреспондент, – были сняты камерой слежения службы безопасности музея. – На них запечатлен вчерашний инцидент. Мы вырезали некоторые моменты, отличающиеся особой жестокостью, и все же рекомендуем увести от телевизоров детей...

Изображение стало серым, мутноватым, мигающие черные полосы перечеркнули его поперек. Камера снимала зал сверху и под углом. Игорь увидел высокого мужчину в черном плаще и странном высоком колпаке. Он стоял у стеклянного ящика и рассматривал какой-то экспонат. Игорь не видел его лица. Неожиданно ящик разлетелся на осколки (Игорь даже не успел увидеть, каким образом мужчина сумел разбить толстое стекло) и через секунду незнакомец уже стоял, обернувшись к камере. Правой рукой он сжимал рукоятку меча.

Сработал автоматический зум, лицо преступника увеличилось и Игорь вздрогнул, узнав его.

Это был он, Игорь Маслов. Совершенно очевидно, он. Глаза, нос... Нетрудно узнать свое лицо, если видишь его каждый день в зеркале.

– Ну, что вы теперь скажете? – хрипло спросил профессор.

– Это не я, – сказал Маслов. – Не я. Вы что, сами не видите?

Это был не он. Какой-то другой Игорь Маслов. Он, но совсем другой. Без очков. С длинной прямоугольной бородой, расчерченной ровными рядами темных завитков. Ну ладно, очки можно снять, бороду приклеить. Но выражение лица... Игорь никогда не смог бы улыбаться так хищно, так жестоко. Не смог бы, даже если бы очень захотел.

Изображение сменилось кадрами драки. Два охранника с дубинками нападали на человека, а он отбивался мечом. Отбивался умело. Похоже, он просто развлекался – играл с бедными парнями, беззащитными перед его боевым мастерством. Впрочем, развлечение длилось недолго. В драку вмешался третий человек. Судя по всему, он был профессионалом. Он ворвался в поле зрения камеры черным вихрем, он сшиб Иштархаддона с ног. Через долю секунды он уже сидел верхом на преступнике и держал его за горло. Камера показывала теперь только спину этого третьего человека. Изображение моргнуло, смазалось, снова стало четким, и Игорь увидел, как острое лезвие меча проходит через эту спину, испаривает ее. Черные сполохи на экране, сполохи мучительной боли в сердце... Заключительные кадры – вооруженные люди уводят бородатого убийцу, заломив ему руки за спину. Меч валяется на полу. Изрубленные тела лежат на полу. Черные лужи крови...

Слишком много подробностей. Слишком много. Игорь опустил голову. Не мог он видеть этого.

– Владислав Николаевич, выключите это, – попросил он.

Профессор вырубил телевизор. Игорь втягивал сквозь зубы воздух, ставший вдруг удушливо липким. Он боялся, что его стошнит.

– Вам плохо? – Профессор наклонился над ним.

– Плохо... Я не терплю вида крови...

– Как же вы могли сотворить такое?

Игоря вдруг отпустило. Он откинулся на спинку кресла, сделал глубокий вздох, прочищая легкие. Кадры, которые он сейчас увидел, были отвратительны. Но они реабилитировали его. Он сумеет доказать свою невиновность.

– А вы что скажете, Владислав Николаевич? – спросил он спокойно. – Как вы можете объяснить все это? Как я, человек патологически миролюбивый, физически малоразвитый, мог вдруг учинить такое умелое побоище? И почему я так странно выглядел? Эта ассирийская борода, этот колпак... И имя это – Иштархаддон. Так, по-моему, звали какого-то ассирийского полководца. Девятый век до нашей эры, если я не ошибаюсь. Древний полководец из Ассирии, похожий на меня, приходит на выставку в Нижний Новгород, чтобы завладеть собственным мечом, найденным при раскопках? Что за нагромождение мистических нелепостей? Чушь!

– Вот именно – чушь! – сказал Вязников. – Вы уж меня простите, но я человек старого воспитания, советского. С диалектико-материалистическим мировоззрением. Если я вижу в наше время человека с ассирийской бородой, то я не думаю, что он перенесся из прошлого. Я думаю, что он отрастил такую бороду, либо приклеил ее. Если мне говорят о результатах дактилоскопической и гематологической экспертизы, я верю им, потому что их невозможно подделать. И наконец, если я лично знаю, что человек, замаскировавшийся под ассирийца и укравший ассирийский меч, является сотрудником кафедры истории, и к тому специалистом по истории Ассирии, я прихожу к выводу, что все это не случайность.

– Я не специалист по Ассирии! – возмущенно произнес Игорь. – Вы прекрасно знаете, что я специализируюсь по истории России! А если точнее – по истории российского Слепого Пятна! Я про эту Ассирию ничего толком и не знаю. По ней, кажется, Шурочкин лекции читает! Не валите с больной головы на здоровую!

– Так что, по-вашему, это Шурочкин вчера куролесил? С ума сошел, бороду нацепил? Справился с тремя вооруженными людьми?

Доценту Евсею Пафнутьевичу Шурочкину было семьдесят два года. К тому же он, инвалид войны, имел протез вместо правой ноги.

– При чем тут Шурочкин? Главное, что я тут не причем.

Зазвонил телефон. Профессор, разволнованный от дискуссии, схватил трубку.

– Да! – рявкнул он. – Я же просил не звонить, у меня тут ЧП! Ах это вы, Виктор! Кто едет? Ну слава Богу! У меня уже совершенно голова кругом идет от сегодняшних приключений.

* * *

Через пять минут в кабинете появился подполковник Еремин собственной персоной. С ним – несколько вооруженных людей. Подполковник выглядел до ужаса несвежим. Предынфарктное состояние читалось на его сизом одутловатом лице.

– Это он? – поинтересовался охранник Виктор, показав на Маслова. – Этот ваш Ишакхарбаев?

– Возможно, – озадаченно бросил Еремин. – Вроде он, только бороду успел сбрить. И очки раздобыл где-то. Резвый парень. Спасибо вам, товарищи, – подполковник пожал руки Вите и Саше. – Ловко вы его... Вроде бы, он поспокойнее выглядит чем вчера. Матерый, матерый бандюган, скажу я вам. Хорошо хоть без жертв сегодня...

Это он про меня, что ли? – удивился Игорь.

– Товарищ подполковник, – сказал он, – вы меня сейчас отпустите, да?

– Вы – гражданин Маслов? Игорь Михайлович?

– Ну да.

– Вы задержаны. По обвинению в убийстве.

– Как же так?! – взвыл Игорь. – У вас же есть там один то ли Иштархаддон, то ли Маслов! Вам что, мало? Вы их коллекционируете, что ли?

– Арестованный Игорь Михайлович Маслов, выдающий себя за сирийца Иштар, исчез сегодня из камеры содержания, – глухо сообщил подполковник.

– Как исчез?

– Это вас надо спросить, как вы оттуда исчезли, – подполковник быстро менял усталый сизый оттенок лица на разъяренный багровый. – И с этим мы, конечно, разберемся в полном объеме! Главное сейчас состоит в том, что вы, Маслов, – он бросил взгляд на часы, – исчезли из ИВС в семь тридцать утра, и объявились в Университете в восемь пятнадцать. Где и были задержаны. Я думаю, вам, гражданин Маслов, не нужно объяснять, что это означает?!

Что там объяснять-то? Любому известно, что в тюрьма Нижнем Новгороде находится на проспекте Гагарина. А исторический факультет университета – на площади Минина. Дураку понятно, что сорока пяти минут вполне достаточно, чтоб сменить одежду, сбрить бороду (для конспирации!), пересечь пяток километров в жуткой давке общественного транспорта и явиться на работу к своей любовнице...

Бред собачий. Просто невероятная бредятина.

– У меня есть алиби, – сказал Игорь. – Железное алиби. И дайте мне адвоката!

– Алиби... Слова-то какие знают! Пойдемте. Разберемся сейчас с вашим алиби.

* * *

– Товарищ подполковник, – окликнул Еремина профессор Вязников, когда Маслова уже вывели из кабинета. – Позвольте задать вам вопрос.

– Да.

– Я только что видел видеозапись инцидента. Там был какой-то человек... Я в этом не разбираюсь, но он действовал очень профессионально. Это что, и есть тот самый пенсионер Ледяев? Пенсионеры обычно так не дерутся.

– Так точно. Пенсионер и есть. Военный пенсионер. Подполковник спецназа. Операции в Афгане, Анголе, Эфиопии и так далее. Ведущий консультант нижегородского СОБРа. – Следователь вздохнул. – Хороший мужик был Иван Алексеич. И так по-дурацки погиб...

– Неужели наш Игорь Маслов так хорошо владеет оружием, что сумел справиться с подполковником спецназа? Неувязка тут какая-то.

– А так бывает, – заявил Еремин. – Какой-нибудь тихоня, аспирант-ботаник, с виду – соплей перешибить можно. А по вечерам ходит в секцию к каким-нибудь братьям-мусульманам, осваивает холодное оружие. Принимает ислам, Коран изучает. Между прочим, у них там, у сектантов этих, наркотики чуть ли на бутерброд вместо масла мажут. И вот в один вечер некий Игорь М. накачивается дурью до такой степени, что начинает себя считать Иштаром Хадонем, сирийцем, и идет громить неверных...

– Это ваша рабочая версия? – спросил профессор.

– Да. Если хотите, то именно так. Рабочая версия. Причем очень правдоподобная.

– Иштархаддон называл себя не сирийцем, а ассирийцем! – громко произнес Вязников, тщательно выговаривая каждую букву.

– Какая разница?

– Огромная! Государство Ассирия перестало существовать в конце седьмого века до нашей эры! Более чем за тысячу лет до возникновения ислама, смею заметить! А вы валите все в одну кучу.

– Владислав Николаевич, – следователь смотрел на Вязникова с укоризной. – О чем вы говорите? Какое может иметь значение, кем именно называет себя

Маслов – сирийцем или ассирийцем? У нас есть гематозэкспертиза. Как я могу с ней спорить?

– Как? – профессор прищурился. – А я скажу вам как. Каким образом вам удалось скрутить вчера преступника? Он же такой непобедимый!

– Две пули. Одна – в правую руку, другая – в левую. Не в кость, конечно. В мякоть. Для острастки. Но испугался он, говорят, очень здорово. Сдался как миленький.

– Тогда все очень просто. – Профессор горько усмехнулся. – Разденьте Игоря Маслова и посмотрите на его руки. Я думаю, вам все станет ясно.

* * *

– Какой же я дурак, – шептал профессор Вязников, наконец-то оставшись в одиночестве, прислонившись лбом к холодному стеклу окна. – Старый дурак! Почему я не догадался сразу?

ГЛАВА 2

– Уберите руки, – строго произнесла девушка-фотограф.

Голый Игорь Маслов стоял в полный рост в ослепительном свете софитов и прикрывал руками свои мужские принадлежности.

– Я стесняюсь, – сказал он. – Товарищ подполковник, почему у вас фотографом девушка работает? [1 - Справедливости ради автору стоит отметить, что в действительности фотографами в УВД работают только мужчины, что фотографируемых, само собой, догола не раздевают, и карта особых примет составляется совсем не так, как в данном фрагменте текста. Однако любая бредятина, происходящая в первой части романа, имеет свое логическое обоснование – в этом можно убедиться, прочитав части последующие (примечание автора).] У вас же преступники, наверное, в основном мужики?

– Преступников-женщин тоже много, – сообщил Еремин. – Они стесняются фотографа-мужчины. А с женщинами, знаете ли, приходится быть деликатнее. Права арестованных и все такое. Всякие там правозащитные организации...

– Вам надо завести двух фотографов. Для мужчин и для женщин.

– А зарплату на двоих фотографов кто выделит? Может быть, ваш университет? Хватит болтать, Маслов. Руки с половых органов уберите.

Игорь вздохнул и опустил руки как положено – кистями вниз, ладонями вперед. Девушка в форме младшего лейтенанта произвела фотографирование.

– Ну как там они? – поинтересовался он у девушки.

– Кто?

– Половые органы?

– Так себе, – холодно сказала девушка. – Повернитесь спиной.

– Товарищ подполковник, – Игорь смотрел теперь в стену. – Зачем вы все это делаете? Фотографии эти, анализы крови, образцы тканей, рентген черепа? Психотестирование это ваше... Одних пальчиков уже недостаточно?

– Недостаточно. Две тысячи пятый год – это вам не шутка. Царство науки и всяких там технологий. Когда я в академии учился, думал, что свихнусь. А теперь понимаю – необходимо все это! Генотипическая идентификация – это еще не определяющий фактор. Она должна совпадать с фенотипической. Вот так-то! Одевайтесь, Маслов.

– А у меня они совпадают? – Игорь прыгал на одной ноге, пытаясь попасть ногой в штанину.

– Нет.

– И что это означает?

– Скоро узнаете.

– Почему скоро? – Игорь волновался, никак не мог застегнуть пуговицы на рубашке. – Что значит скоро? Через неделю в тюрьме? Это, по-вашему, скоро? Я невиновен, товарищ подполковник! Я боюсь сидеть в камере с уголовниками, понимаете? Они там меня избьют до смерти. А потом выяснится, что я не совершал никаких убийств. Я настоятельно требую адвоката! И немедленно!

– Адвокат вам ни к чему.

– Как это ни к чему?!!

– Игорь, успокойтесь! И сядьте! – Еремин показал пальцем на стул. – Еще раз повторяю вам, что адвокат вам не нужен.

– Почему?

– Потому что вы – не убийца. Не тот самый Иштархаддон.

– Вот как? – Игорь изумленно вытаращил глаза, словно сказанное было для него новостью.

– Вот так. – Следователь расслабил узел галстука, расстегнул пуговицу на воротнике. Устало потер лоб рукой. – Вы – не он. Хотя нам от этого не легче...

* * *

Игорь и следователь Еремин перебрались в кабинет – тот самый, что показывали по телевизору. Подполковник пил дешевый растворимый кофе – Бог знает, какую уже чашку за сегодняшний день. Игорь от кофе отказался – и без того сердце его колотилось нещадно и, кажется, даже давало перебои.

– Так что, товарищ следователь, стало быть, меня теперь выпустят? – в десятый раз спросил Игорь.

– Да выпустим, выпустим мы вас, – махнул рукой Еремин. – Под подписку о невыезде. Будете регулярно приходить в отделение и отмечаться.

– А почему под подписку?

– Честно говоря, мы могли бы поддержать вас еще несколько денечков, – сурово сказал следователь. – И даже должны бы поддержать вас в ИВС. Потому что генетическая экспертиза показала, что вы, Игорь Михайлович Маслов, и убийца, называющий себя Иштархаддон – один и тот же человек. Но под свою ответственность я вас отпускаю. Боюсь я вас в общую камеру сажать. Уж больно вы хлипкий, Игорь Михайлович. Извините... Не мешало бы вам здоровым образом жизни заняться. Вот смотрите, каким бы могли стать, если бы занимались физической культурой и спортом.

Он открыл черную папку и достал оттуда несколько фотографий. Разложил их в два ряда.

В одном ряду на снимках был запечатлен голый Игорь Маслов. Спереди, сзади, в профиль и так далее. Во втором ряду – он же, но с бородой. И мощный, как культурист. Мышцы этого второго Игоря вздувались буграми. Было там, как говорится, на что посмотреть.

– Это он? Иштархаддон? – спросил Игорь.

– Так точно. Он самый. Братец ваш.

– Почему братец?

– Объясняю. Вы у нас специалист по истории, и в генетической идентификации, я так думаю, соображаете слабо. Так вот: мы имеем двоих людей с одинаковым генотипом, но разным фенотипом. Проще говоря, клетки и ткани у вас одинаковые, а внешность разная. Он -вон какой бугай, а вы, извиняюсь, тощий, чуть ли не дистрофик. Не думаю, что вы успели избавиться от мускулатуры за сорок пять минут. Единственное объяснение всем этим фактам может быть только одно – у вас есть брат-близнец. Причем абсолютный близнец. Ну, признайтесь: есть ведь? Не прикрывайте родственничка-преступника. Не заслуживает он этого...

– Нет у меня никакого брата.

– Родители живы?

– Да, мама. Отец умер давно.

– Ладно. Позвоню я вашей маме. Поинтересуюсь.

– Да вы что? – Игорь возмутился. – Думаете, что у меня есть брат, и она отдала его куда-нибудь в детдом? А теперь он...

– То, что я думаю – это тайна следствия, Игорь Михайлович. Одно вам скажу – произошло серьезное преступление. К тому же, убит знаменитый иностранец. И имеется много необъяснимых моментов. Пока необъяснимых. Но поверьте мне – много я на своем веку повидал всякой чертовщины и мистики. И в конце концов все это оказывалось очередными ловкими махинациями. Вам придется сотрудничать с нами, Игорь Михайлович.

– В чем?

– В раскрытии данного преступления.

Дверь распахнулась и в кабинет ввалился короткий крепкий брюнет лет сорока. Запросто – даже без стука в дверь. В отличие от следователя Еремина, выглядел брюнет настолько выпавшимся, словно дрых без просыпа целую неделю. Брюнет перевесился через стол, протянул руку подполковнику и произвел энергичное рукопожатие.

– Привет, Василич, – сказал он. – Это, что ли, твой убийца? Чего он у тебя без охраны сидит? Жить надоело?

– Слушай, Иван, давай без балагурства, а? – Еремин укоризненно нахмурился. – Я уже еле сижу. Работы тебе тут – выше крыши. Я тебе объясню все вкратце, и пойду дела готовить. Генерал сегодня к пяти вызывает. С результатами. Будет мне сегодня пистон бронебойный в заднее отверстие.

– Дела у него! Так это теперь называется! – Брюнет хохотнул, глянув на Игоря. – Подушку он пойдет давить! Ладно, пускай поспит перед смертью. Тебя как зовут, подсудимый?

– Я не подсудимый, – вежливо сказал Маслов. – А зовут меня Игорь Михайлович.

– Игорь, стало быть? Замечательно! А меня – Иван Ароныч. – Брюнет подмигнул. – Фамилия – Бейлис, – добавил он, очевидно, чтоб не осталось никаких сомнений. – Папа с мамой – евреи. Все у меня евреи, даже домашние тараканы. А ты у нас, говорят, ассириец?

– Я не ассириец. Русский я, – скромно произнес Игорь, как бы застеснявшись вдруг такой обычной своей национальности. – А вот он говорит, что он – ассириец.

Игорь ткнул пальцем в фотографию Иштархаддона.

– Так-так... – Иван Ароныч деловито склонился над фотографиями. – Что у нас тут? Два мерзких типа. Один – качок, другой похож на шланг. Пред нами братья-близнецы: у них одна мамаша, но разные отцы. Оба преступники – сразу видно! Особенно этот, тощий. Ну вылитый жулик! И что ты с нас хочешь, Василич? Нашего тут ничего нет!

– Есть тут ваше, – упрямо сказал Еремин.

– Да нет, нет тут ничего нашего! – Бейлис взмахнул руками. – Тут все ясно как божий день – два идентичных близнеца, один из них укокал четырех жертв, а вы сдуру схватили второго. Где тут наш профиль-то? Чистая уголовка. Плюс строгий выговор от начальства. Не мне, разумеется. Тебе.

– Мы взяли обоих, – угрюмо сообщил Еремин, глядя в стол. – Один из них перед тобой. Игорь Маслов. Чист как детская слеза. Наверное, даже вегетарианец. А второй, убийца, – тот, которого вчера скрутили, – исчез.

– Сбежал? – Иван почесал в лысеющей макушке. – Сочувствую, Василич. Это невероятно неприятно, как говорит моя теща. Я что-то не помню, чтоб у нас кто-нибудь из ИВСа бегал. Как же вы так прошляпили? Дяденька-то серьезный –

англичанина пришиб!

– Не сбежал он. Исчез.

– То есть как – исчез? Прямо совсем? Раз – и нету? Может, там хоть следы взлома есть или что? Стены проверили? Может, вывел его все-таки кто-то под белые ручки? Может, охрану подкупили?

– Я Митрича и Прошкина к его камере поставил, – глухо сказал подполковник. – Усиленную охрану поставил – ведь как сердцем чувствовал... Можно подкупить Митрича и Прошкина?

– Митрича и Прошкина – нельзя, – убежденно произнес Бейлис.

– Вот именно. А он – исчез.

– Да... – Бейлис возбужденно зашагал по кабинету. – Похоже, что дело-то наше. Может, он иллюзионист, этот ваш Иштванбурдюк? Хотел украсть меч для своих фокусов?

– Иван Аронович, – подал голос Игорь. – О чем вы все время говорите? Что такое "ваши дела"? Что такое "ваш профиль"?

– Сказать ему? – Иван обернулся к подполковнику.

– Скажи. Все равно нам с ним придется работать. Без него не обойдемся.

– Я – специалист по всякой шизне, – сказал Иван Аронович. – Из особого отдела, который занимается всякой шизней. И сам я шизик.

– Ты – клоун, – уточнил подполковник Еремин. – Клоун и придурок. А вообще-то, Игорь, если говорить серьезно, Иван Аронович у нас специалист одного из отделов ФСБ. Очень хороший и высококвалифицированный специалист. Офицер. Звание уточнять не буду.

– Звание очень маленькое! – громко прошептал Бейлис, приложив ладонь ко рту для конспирации. – Таки просто унижительное! Меньше, чем генерал-майор – вы

представляете, Гоша? Это просто невыносимо! В общем, не ценят! И зарплату задерживают. И за границу не пускают. Говорят, мордой лица не вышел! Нос неправильный!

Игорь изрядно оцепенел сегодня, заморозился, отгораживаясь душой от всех неприятностей, свалившихся на него подобно снежной лавине. Бейлис отогревал его сейчас как мощный калорифер. Может, все это было просто набором стандартных психологических уловок, успешно применяемым офицером госбезопасности? Может быть. Но вот нравился Иван Аронович Игорю, и все тут.

Да и Еремин нравился ему все больше. Сами понимаете – когда вас сажают и когда вас отпускают – это две большие разницы. Как говорят в Одессе.

– Я догадываюсь, о чем вы думаете, – сказал Игорь. – Вы думаете, что Иштархаддон – все же мой брат. И что я пытаюсь скрыть это от вас, дабы выгородить его. Но я прошу прибегнуть вас к логике, товарищи...

– Господа, – поправил его неугомонный Ароныч. – Господин Бейлис – хорошо звучит! А супротив логики мы, значит, ничего не имеем.

– Иван, замолчи, – умоляющим тоном произнес Еремин. – Дай сказать человеку!

– Так вот, – продолжил Игорь. – Я уверяю вас, что никакого брата у меня нет. И в моих интересах – чтобы вы как можно быстрее нашли этого сумасшедшего Иштархаддона, или как его там, и упекли за решетку. Потому что иметь генетического двойника-убийцу, вместо которого пытаются посадить в тюрьму тебя – это не самое большое удовольствие. Со своей стороны обещаю вам самое тесное сотрудничество.

– Сотрудничество... – подполковник Еремин пробарабанил пальцами по столу. – Сотрудничество нам очень понадобится. Надо все-таки узнать, чем отличается Сирия от Ассирии. Вы ведь историк, да?

– Да.

– И каков же ваш предмет исследования?

– Слепые Земли. Если точнее, наше Слепое Пятно. Нижегородское.

– Слепун? – Подполковник удивленно поднял брови. – Что же там можно исследовать, в слепуне? Там же ничего нет.

– Слепун?! – Иван Аронович едва не подпрыгнул. – Василич, ты не понимаешь! Слепун – это кладезь загадок! Игорь, раз уж ты подвернулся мне под горячую руку, позволь высказать мне свое научное мнение о слепунах. Слепые Земли – это базы инопланетян на Земле. Их стратегические форпосты. Они наблюдают за нами оттуда. Готовят вторжение. Ох, не к добру эти пятна, клянусь вам, господа мои хорошие!

Игорь деликатно поперхнулся, хотя больше ему хотелось выругаться матом. Удел специалиста – регулярно выслушивать всякую дурь о предмете своего изучения.

– Иван Аронович, – поинтересовался он, – а почему же эти самые инопланетяне до сих пор нас не захватили? Ведь Слепые Земли существовали всегда. Существовали до появления человека, до динозавров, до трилобитов, в конце концов. Давно доказано, что они появились одновременно с формированием нашей планеты из газового облака. Чего ждут эти ваши инопланетяне?

– А мы для них еще не созрели! – безапелляционно сообщил Бейлис. – Что для высокоразвитых цивилизаций какие-то жалкие миллиарды лет? Они ждут, когда мы перешагнем определенный рубеж. Например, выйдем за пределы Солнечной Системы. И тогда они сразу выйдут из своих слепунов и поработят нас. Всех поголовно.

"Начитался дешевой фантастики, – подумал Игорь. – А может быть, он и вправду шизик".

ГЛАВА 3

Игорь стоял на обочине шоссе, спускающегося вниз по крутому берегу Оки. Стоял и смотрел сверху на Слепую Землю. Машины с ревом проносились за его

спиной.

Каждый житель Нижнего Новгорода знает, что такое Слепая Земля. Каждый нижегородец видел это место собственными глазами. Точнее сказать, не видел ничего, потому что не на что там смотреть. Человеку, впервые смотрящего на Слепую Землю, зрелище кажется необычным, загадочным и даже пугающим. Если обозреть Слепую Землю с правого берега Оки, с холмов, вознесшихся высоко над рекой, то кажется, что туман спустился на всю заречную часть нижегородской земли и закрыл от взора эту землю до самого горизонта. Непривычному глазу может привидеться, что дымчато-серые полосы медленно текут там, внизу, извиваются как змеи. Но это всего лишь иллюзия. Если привыкнуть к необычному, притерпеться взглядом, то обнаруживаешь, что не видишь, в сущности, ничего. Нет там никакого тумана. Просто часть мира вырезана из поля зрения. Аккуратно прорезана бритвой по контуру и изъята из обращения.

"Кем вырезана? – подумал Игорь. – Господом Богом? Не лень же ему, Господу всемогущему, загруженному делами по горло, вырезать из нашего поля зрения куски каждый раз, когда мы, ничтоже сумняшеся, бросаем случайный взгляд на Слепую Землю? Что хочет он скрыть от нас, людей? Что-нибудь очень плохое, неподобающее творению Божьему? Или наоборот, слишком хорошее для несовершенных, греховных тварей? Что-то такое, до чего мы еще не доросли?"

Ничего там не было, в этих Слепых Землях – островах пустоты, раскиданных по планете. Так утверждали ученые, и Игорь Михайлович Маслов не мог не согласиться с этой аксиомой. В конце концов, он и сам был ученым. Диссертацию, правда, так пока и не накропал, но пара статей в заглавнике имелась. Две неплохих, добротных статьи в "центральной", как принято выражаться, научной прессе. Две статьи, посвященных Слепым Пятнам. Им, родимым, черт бы их побрал. Родимым пятнам на теле старушенции-планеты.

Именно поэтому и не написал он до сих пор свою диссертацию. Тема не та. Ну что это за тема – Слепые Земли? Они же Слепые Пятна (термин, появившийся во времена интенсивного развития картографии), они же Blind Lands, они же Las Manchas Ciegos и так далее. Да, вот еще – "слепуны" – это уже по-русски. Как по-старорусски, так и по-новорусски. Даже подростки, выражающиеся на таком отвязном сленге, что понять ничего невозможно, не брезгают вставить в свою словесную помойку извечное: "Да пошел ты в слепун!" Живы еще русские традиции...

"Динамические тенденции влияния Слепого Пятна Нижнего Новгорода на социально-экономическое развитие Российской Федерации". Непонятное, но при ближайшем рассмотрении банальнейшее сочетание слов. Увы, полностью совпадающее с названием диссертации Игоря Маслова. От этой темы его отговаривали все – от коллег-аспирантов до профессора Вязникова, который вначале упорно отказывался стать научным руководителем Игоря. Сам ректор, действительный член дюжины лучших мировых академий, вызвал Маслова к себе в кабинет, что само по себе можно было рассматривать как явление экстраординарное. "Игорь Михайлович, – сказал он ласково. – Нижегородский университет имени Лобачевского – это солидное учреждение. Очень солидное, уверяю вас. Наша репутация непререкаема. Любое научное исследование нашего университета вызывает пристальное внимание во всем мире. И в немалой степени это относится к историческим исследованиям. Вы обладаете хорошим потенциалом, Игорь Михайлович. Вы смело можете браться за любую сложную тему – в мировой истории еще много малоизученных и совершенно неисследованных фрагментов. А вы?! Ну что вы за тему выбрали, Игорь? Это же несерьезно! "Исторический персонаж Курочка Ряба и его влияние на яйценоскость кур Линдовской птицефабрики" – и то звучит солиднее... Ничего – оно и есть ничего. Пустота... Что там можно изучать?"

Ректор, как обычно, был очень занят. Он выделил на разговор с Масловым пять минут. Беседа, однако, продлилась полтора часа, и по ее окончании Игорь вышел из кабинета ректора с одобренной темой своей диссертации. Той самой. "Динамические тенденции влияния Слепого Пятна"... и так далее.

Как ни странно, Игорь нисколько не сомневался в том, что сумеет убедить академика. Да и профессор Вязников живо заинтересовался темой – после того, как Игорь получил добро от начальства и в первый раз подробно рассказал профессору суть своих идей. Маслов сумел взглянуть на старую проблему по-новому.

В самом деле, почему Слепые Земли всегда были негласным табу в исследованиях ученых всех областей науки? Почему говорить о них считалось чем-то примитивным, даже неприличным? Со времен средневековья господствовало мнение, что Слепые Земли – это некие недоделки Бога, огрехи в его созидательной работе. Слепуны не были грязными – они были просто ничем, но их сторонились, как стараются ненароком не прикоснуться к лишайным пятнам на теле больного. И уж конечно, никто не усматривал в Слепунах чего-либо необычного или мистического – как не усматривают его в лужах на

дорогах.

* * *

– Владислав Николаевич, – волнуясь, говорил Игорь, – мнение, что Слепые Пятна никак не влияют на историю человечества, является величайшим заблуждением. Ведь вы подумайте – в мире существует всего шесть Слепых Пятен, и расположены они именно в тех шести странах, которые безусловно лидируют в мире. Россия, Великобритания, Чехия, Япония, США и Австралия. Почему нет ни одного слепуна в огромной Африке? Не потому ли этот континент обречен на нищенское существование? Нет Слепой Земли в Китае – и маленькая Япония обходит эту гигантскую страну по всем показателям. Три пятна в процветающей Европе – это что, случайность?

– То, о чем вы сейчас говорите, Игорь, – давно уже не новость. – Профессор улыбался – понимающе, но с оттенком снисходительности. – Шесть Слепых Пятен – шесть государств-лидеров. А как же история древнего мира? Великие государства Месопотамии. Египет и Эллада. Рим и Карфаген... Та же Поднебесная империя Китая, в конце концов. Слепые Земли существовали всегда. Почему же они начали оказывать свое, как вы изволили выразиться, "влияние" только в течение последних сотен лет? Что представляла из себя Северная Америка пятьсот лет назад? Захолустье, периферия мировой цивилизации. А ведь слепун уже существовал на ее территории! А Япония – разве могла она равняться с могущественным Китаем? Да и наша Россия, признаемся, вышла в мировые лидеры так недавно, что по историческим меркам это можно назвать первыми шагами младенца. То, что вы изложили, полностью соответствует теории небезызвестного Сэмюэля Бейкера. Но, как вы знаете, отечественная наука не поддерживает эту теорию – несмотря даже на лестность ее в отношении России. Мы предпочитаем оперировать фактами, а не компиляцией временных факторов. Так-то вот, дорогой мой Игорь Михайлович.

– Да Бог с ней, с древней историей, – заявил Игорь. Видно было, что профессора покорило такое наглое заявление, но он стерпел. Профессор вообще отличался редкой терпеливостью. – Что касается теории Бейкера, то это неполноценное исследование – так, огрызок какой-то. Я согласен с вами, Владислав Николаевич, что в течение большей части истории слепуны не влияли на человечество. Не влияли так отчетливо, чтобы это можно было проследить. Но теперь, в начале двадцать первого века, влияние их стало столь

определенным, что не заметить его нельзя! Выражаясь образным языком, Слепые Земли проснулись! Вот, смотрите!

Слегка трясущимися руками Игорь выудил из обшарпанного портфеля изрядно помятый листок и положил его на стол. Диаграмма была отпечатана на цветном принтере. Нагромождение ломаных линий, карабкающихся вверх и падающих вниз. Мелкие надписи, кое-где исчерканные шариковой ручкой. Один только Игорь Маслов знал, сколько данных пришлось ввести в компьютерную базу, просчитать и проанализировать, чтобы получить этот график. Год непрерывной работы – в полном молчании, дабы не опередил никто из конкурентов. И еще много лет работы впереди.

– Это показатели экономического роста двадцати ведущих стран за последние двадцать лет. У меня есть еще другие графики – геополитическая значимость, интеллектуальный потенциал и так далее. Но там пока много субъективного – нужно еще доделать... Хотя, я думаю, и так все понятно...

– Что понятно? – спросил Вязников, пытаясь через толстые очки рассмотреть хаос букв, углов и линий. – Может быть, объясните? Мы, старики, соображаем медленно. Не успеваем мыслью за вами – молодыми и гениальными.

– Шесть стран! Только шесть! С начала века – невиданный, феноменальный рывок вверх! Ну ладно США и Япония, – в течение двух последних десятилетий они и так были наверху. Случаи с Великобританией и Австралией тоже можно как-то объяснить – звезд с неба они не хватали, но в списке ведущих капиталистических держав присутствовали всегда. Даже про Российскую Федерацию можно сказать: ну да, страна огромная, сумела, мол, преодолеть свое извечное разгильдяйство, построить эффективную экономику и рванула вверх. Все, мол, закономерно, хотя вы-то прекрасно знаете, Владислав Николаевич, что разгильдяйство свое мы так и не преодолели. Ну а про Чехию что скажете?

Игорь отстранился от стола и хитро улыбался теперь, глядя, как профессор изучает график, водит по нему пальцем.

– А что Чехия? – Вязников поднял голову, уставился на Игоря. Выглядел он весьма озадаченно. – Она что?.. Тоже?

– Тоже! В теории Бейкера, опубликованной три года назад, был один явный напярк – и именно Чехия. Слепое Пятно там, понимаете ли, есть, а вот в ведущую шестерку она не входила. Хотя и развивалась достаточно интенсивно. Так вот, по данным на начало 2005 года, Чехия обогнала-таки Германию и вышла на шестое место в мире! То самое шестое место, которое было ей предназначено историй. Сверхновойшей историей!

– Что вы называете сверхновойшей историей?

– Эпоху, которая началась после начала третьего тысячелетия от Рождества Христова. Всего пять лет прошло с начала века, но тенденции налицо. Я уже могу сделать выводы. И вы, Владислав Николаевич, можете! А после того, как мы опубликуем свои работы, это поймет и весь мир! Слепые Земли проснулись! Да здравствуют Слепые Земли!!!

Игорь Маслов поднял руки и совершил три восторженных козлиных прыжка, отчего этажом ниже с потолка осыпалось некоторое количество старой побелки.

– И что же это, хорошо? То, что слепуны проснулись? – пробормотал Вязников, испуганно протирая очки. – Может быть, в этом нет ничего хорошего? Все-таки неконтролируемая стихия...

– Это хорошо! Это отлично! Это прекрасно для нашей любимой страны – России, которая обречена теперь на процветание! Это замечательно для нас с вами, дорогой Владислав Николаевич, потому что мы напишем выдающуюся фундаментальную работу, нет, десять выдающихся фундаментальных работ, и отхватим Нобелевскую премию! Вокруг Нижегородского слепуна выстроят ограду из чистого золота и поставят почетный караул – как некогда у мавзолея Ленина!..

– Игорь, – профессор Вязников деликатно кашлянул. – А вы уверены, что вы единственный просчитали данную закономерность? Факты-то, кажется, лежат на поверхности? Неужели столь очевидные выводы не приходили никогда и никому в голову?

– Именно так. – Игорь прервал вдруг ликующую пляску, снял очки и уставился на профессора близоруким, очень серьезным взглядом. – Я проверил все. И библиографию, и научную периодику. Я сделал запросы во все ведущие научные

учреждения. Я просадил в мировых компьютерных сетях половину своей годовой зарплаты. И ничего... Полная тишина. Ноль.

– А этот американец? Сэмюэль Бейкер?

– Я хотел связаться с ним. Но опоздал на пару лет. Сэм Бейкер умер в 2002 году. Три года назад. Через два месяца после опубликования своей теории. Сэму Бейкеру было тридцать лет. Точнее говоря, он не умер. Его убили.

– Кто его убил? Мировая мафия, защищающая секреты Слепых Земель?

– Гораздо банальнее. Бейкера зарезал наркоман в трущобах Бостона. Представляете? Глупейшая смерть. Пырнул ножиком какой-то жалкий опустившийся наркоман в поисках дозы.

– И что же делал ученый Бейкер в трущобах?

– Забрел по ошибке. Сэм был очень рассеянным человеком.

– Как и вы, Игорь...

– Как и я. К тому же, он жил в часе ходьбы от Бостонского Слепого Пятна. Единственного слепуна на территории американского континента. Я думаю, он ходил пешком полюбоваться на Слепую Землю – свою любовь, свою великую тайну, так и оставшуюся для него неразгаданной.

– А вы тоже ходите? Полюбоваться...

– Хожу, – признался Игорь. – Знаю, что это глупо, что ничего я там не увижу, но все же не могу себя пересилить. Я люблю это странное место. Наверное, это судьба – то, что я родился в Нижнем Новгороде – месте, где расположен российский слепун.

– Не приходят вам в голову никакие аналогии с Бейкером? Вы с ним – приблизительно одного возраста. Он жил рядом со Слепой Землей. Он начал разгадывать ее тайны. И трагически погиб...

– Нет тут никаких аналогий, – заявил Игорь. – Бейкер был чернокожим парнем, ростом метр шестьдесят пять, с детства страдал диабетом. К тому же, он отличался нетрадиционной сексуальной ориентацией. Что между нами общего?

– Откуда вы знаете такие подробности?

– Интернет – великая вещь! – Игорь постучал пальцем по монитору компьютера, стоявшего на столе у профессора. – Вы пользуетесь Интернетом, Владислав Николаевич?

– Да нет почти... – Профессор пожал плечами. – Только разве электронной почтой. Иногда.

– Хотите, я вам все сделаю? Свой сайт, удобную систему пользования... Скоро вам все это понадобится.

– Да нет, спасибо. Я думаю, что мне уже поздно осваивать Интернет. – Вязников улыбнулся, виновато развел руками. – Стар я уже. Это все – ваша прерогатива. У вас дома стоит компьютер?

– Да.

– Хороший?

– Так себе. Два года назад покупал.

– Напишите ходатайство на имя ректора, Игорь. Через два дня мы поставим вам домой Вэ-Вижн-III. Так, по-моему, последняя модель называется? С выделенной линией Радионета. Бесплатной, разумеется. Это я вам гарантирую.

– Вот это да! – потрясенно выдохнул Игорь. – Спасибо, Владислав Николаевич! Я на вас век молиться буду...

– Я тут не причем. Ректор звонил. "О молодых российских ученых надо заботиться", – сказал он. Так что, когда получите Нобелевскую премию, поделите ее с ним.

– Да нобелевки нам на всех хватит! – с энтузиазмом воскликнул Игорь. – Лишь бы дали! А то ведь зажмут, гады...

* * *

Игорь улыбнулся, вспоминая тот, кажущийся уже давним, разговор с профессором. Как быстро летит время! Год прошел с тех пор. Начиналось все, как водится, с энтузиазма, с аврала, с горячечной круглосуточной работы, когда казалось – вот-вот, и все будет готово... А потом, само собой, все утихло, превратилось в рутину, в унылые бессмысленные обсуждения, когда так трудно доказать что-либо ученым старикам, погрязшим в консерватизме. Все утонуло в бесконечных согласованиях и придиранках к каждой букве и цифре. Очнулась Москва, прошляпавшая столь выгодную тему, но вместо того, чтобы делать что-то срочно самой, пытаться опередить Нижний Новгород, начала топить конкурента без зазрения совести. Да и отклики на первые статьи Игоря Маслова из-за рубежа отличались исключительной, прямо-таки злобной недоброжелательностью.

Работа Маслова тормозилась всеми возможными способами, двигалась с невероятным трудом – как телега, увязшая колесами в липкой грязи и влекомая тощей измотавшейся лошадежкой. В качестве лошадежки выступал, естественно, сам Игорь. Остальные давно уже бросили помогать ему, – если и вспоминали вдруг о его работе, то только для того, чтобы кинуть в Маслова еще один ком грязи. Только профессор Вязников, благороднейший человек, отстаивал еще результаты исследований по слепунам. Но насколько его могло хватить?

Может быть, действительно существовала какая-нибудь мировая мафиозная структура, не допускающая вторжения в секреты Слепых Земель? Да нет. Не было никакого организованного заговора. Игорь знал, что причина его научных неудач лежала внутри душ людей. Невосприятие слепунов было встроено в душу каждого человека с самого рождения. Любой нормальный человек отторгал Слепую Землю инстинктивно – не сознавая этого. Обычный индивидуум не только не видел слепун – он не способен был даже думать о нем. А если его заставляли думать о слепуне долго, то он приходил в раздражение. И старался вернуться в свое естественное состояние как можно скорее – не думать о Слепой Земле, не видеть ее и вообще не замечать ее существования.

А что же сам Игорь? Он что, был устроен по-другому?

Именно так – Игорь не сомневался в этом. С детства его влекло к слепуну, словно что-то звало его к себе из этого странного, ледяного, непознаваемого места. Игорь был как-то связан со Слепой Землей. Он даже не мог уехать из своего города больше, чем на несколько дней. Тоска начинала грызть его, гнала домой, и когда Игорь, измученный, едва живой, возвращался в Нижний, то сразу мчался на окский откос, чтобы увидеть Слепую Землю. Он смотрел сверху вниз на слепун, раскинувшийся по земле на сотни квадратных километров, он блаженствовал, он чувствовал, как жизненная сила возвращается к нему.

Вот и сейчас, едва Игоря выпустили из тюрьмы, он явился на любимое свое место. Игорь вспомнил, как подполковник Еремин отвесил ему напутственного пинка. "Чтоб больше к нам не возвращался", – сказал подполковник. Неплохой все-таки мужик этот Еремин. Неплохой.

Игорь близоруко прищурился, снова вглядываясь в Слепое Пятно. И как всегда, увидел в нем совсем не то, что видят в слепуне обычные люди.

Строгие геометрические линии проступили сквозь неопределенную серость тумана – сперва концентрические круги стен, потом прямые лучи улиц, расходящиеся от центра. И, наконец, возникли вертикальные росчерки тысяч прямоугольных домов и десятков высоких башен, завершив картину, превратив ее в город.

Не будь Игорь историком, вероятно, он даже не понял бы, что именно он видит – настолько это зрелище не походило на современный город. Но Игорь знал. Знал, какие города могли выглядеть именно так. Города Месопотамии – древней долины, расположенной между великими, легендарными реками Тигр и Евфрат. Некогда эти города затмевали своим могуществом весь мир – миллионы рабов, захваченных в войнах, тянулись сюда бесконечными вереницами, погоняемые суровыми боролатыми надсмотрщиками. Тянулись, чтобы отдать свои жизни для возведения неприступных стен, великолепных дворцов и храмов жестоких древних Богов, чтобы положить свои кости в фундаменты великих империй Междуречья. В эти города везли золото из рудников Нубии, железо и серебро из Малой Азии, слоновую кость из Эфиопии, благоуханное оливковое масло из Средиземноморья и тонкорунную шерсть из Фригии. Из этих крепостей выходили огромные армии – города воевали между собой, разрушали друг друга до основания и снова возрождались из праха, возносясь в небо зубцами гигантских башен – символами власти и могущества.

Призрак мертвого города проступал сквозь колеблющуюся пелену Слепой Земли. Кто проецировал эту гигантскую картину сюда, на чуждый Двуречью берег Оки? Зачем он это делал? Почему он позволял рассмотреть этот забытый призрак только ему, Игорю Маслову? Игорь старался не думать об этом. Ответы на эти вопросы могли состоять в сродстве с безумием. Для него же было вполне достаточно, что он может приходить сюда, может видеть, может мечтать попасть когда-нибудь в этот город, пройти по его улицам, выжженным азиатским солнцем.

Ашшур. Игорь точно знал имя этого города. Город, названный в честь бога Ашшура, главный город страны, которая также называлась Ашшуром. Греки именовали это государство на свой манер – Ассирией. Древние евреи говорили в своем Ветхом Завете о стране Ассур. "Некогда Ассур был как кедр ливанский, весь покрытый листвой, раскидистый, высокий, и вершина его высоко возвышалась"...

Игорь иронично хмыкнул. "Вершина высоко возвышалась". Умели же выражаться эти древние... А вот еще, из Книги пророка Софронии: "И прострет он свою руку... и уничтожит Ассур, и обратит Ниневию в развалины, в место сухое, как пустыня... Вот чем будет город торжествующий, живущий беспечно, говорящий в сердце своем: "Я – и нет иного, кроме меня". Как он стал развалиной, логовищем для зверей! Всякий, проходя мимо него, посвищет и махнет рукою".

Пророк оказался прав. Как ни была могущественна Ассирия, пала она однажды под натиском соседей – более молодых и агрессивных. Города ее были превращены в развалины. Двадцать шесть веков забвения замели песком стены, сровняли крыши домов с землей, превратили дворцы в холмы, угрюмо поднимающиеся над бесплодной равниной. Потомки ассирийцев забыли своих богов, утратили свой язык, смешались с другими народами. Археологи и историки – единственные, кто интересуется еще погребенными городами, пытаюсь разгадать их тайны. Поистине, ничто не вечно под луной...

Игорь не сомневался, что там, на Слепой Земле, нет никакого города. То, что он видел, было личной его галлюцинацией – фантомом, порожденным богатым воображением. Интересно, видел ли что-нибудь в своем бостонском слепуне Сэм Бейкер? Наверное, видел. Не зря же он добирался до своего Слепого Пятна – хотя бы один раз в неделю, продираясь к нему через трущобы, заселенные человеческим отребьем. За что и поплатился однажды жизнью.

Игорь, как и Бейкер, связал свою судьбу со Слепой Землей. Угрожало ли что-либо его жизни? До сих пор он считал, что нет. Но сегодняшние события сильно поколебали его уверенность в собственной безопасности. Этот странный головорез... Откуда он взялся и куда так таинственно исчез? Почему он называл себя ассирийским именем Иштархаддон? Почему он носил ассирийскую бороду? И, самое главное – почему он был генетической копией самого Игоря? Вопросы без ответов.

"Слепая Земля, – тихо прошептал Игорь. – Это ведь твоя работа, да? Чего ты хочешь, проснувшийся слепун? Как будешь вести себя дальше?"

Образ города медленно истаявал в призрачном мороке густого тумана.

ГЛАВА 4

Парикмахерша Зина задержалась на работе допоздна. В семь закончилась работа, потом праздновали день рождения директора. Шутки-прибаутки становились все более сальными. И выпить пришлось изрядно – хотя Зина была не из любителей спиртного. Директор (гад ползучий!) подливал Зине вина и заставлял пить, а сам лапал ее колени под столом, норовил даже залезть под юбку. В конце концов Зину замутило – от вина, от директора, от всей этой дурацкой компании.

– Меня что-то мутит, – сказала она.

– Зиночка-Зинулечка, наша красотулечка! – пьяно хохотнул директор. – Вина не пить – жизнь не любить! Ладно, Зинулечка, не бойсь, отвезу тебя домой! К маме! А то, может, в ресторан завалимся? Гульнем от души! Чай, день рожденья не каждый месяц бывает! День рожденья, грустный праздник... Эх, жисть-жистянка! Ну, Зинка-картинка, чего ты ногами брыкаешь? Недотрога нашлась...

Зина вырвалась из его потных объятий, одернула юбку и пошла в туалет. Там она умылась, повертелась перед зеркалом, показала себе язык и решила, что на сегодня с нее достаточно. Тихо проскользнула в вестибюль, где на креслах кучей была свалена верхняя одежда гостей. Выдернула из вороха свое

пальтишко, накинула его и ушла из парикмахерской.

Пусть этот старый придурок директор возит на своей тачке своих жирных размалеванных теток, воняющих духами. Развел моду – день рождения пять раз в году праздновать. А будет приставать – Зина позвонит его жене. Она знает телефон. Надо ж – как напьется – такой дурак...

Зина быстро цокала каблуками по асфальту – торопилась пройти темный переулок, добраться до автобусной остановки. Десять часов вечера. Мать, наверное, издергалась вся. Опять ругаться будет...

Зина не заметила высокого мужчину в черном плаще, который шел за ней от самой парикмахерской. А еще раньше, днем, не обратила внимания на то, что этот тип в течение двух часов стоит на улице и всматривается внутрь салона через стекло, не решаясь войти.

Но теперь мужчина действовал решительно. Он уже понял, что ему нужно. Он обогнал Зину и преградил ей путь.

Зина страшно испугалась. Она вскрикнула, попыталась побежать, но ноги ее подкосились и отказались слушаться.

– Не кричи, женщина, – произнес незнакомец. – Будь честна со мной, и боги пощадят твою жизнь. Если мне понравится, как ты ответила на мои вопросы, то, может быть, я не отрежу твою голову.

Зина узнала его сразу. Эта странная борода... Тот самый преступник, который неделю назад устроил жуткое побоище в Художественном Музее. Его арестовали. А потом передали, что он сбежал. Показывали его портрет по телевизору, наверное, уже раз сто. Как его зовут? Какое-то мусульманское имя... Он террорист, наверное. Она сделает все, что он хочет. Только бы он не убивал ее!

– Ты – цирюльник, – сказал мужчина. – В вашем дурацком городе цирюльниками работают женщины. Это ужасно глупо, но сейчас это не так важно. Ты можешь сделать бороду, женщина?

– Как это – сделать бороду? – пискнула Зина. Она умирала от страха – боялась, что скажет что-нибудь не так, и это исчадие ада тут же отрежет ей голову.

– Мою бороду. Ее нужно правильно отсечь – так, чтобы она осталась целой. И сделать... – он сдвинул брови, мучительно подбирая слова. – Сделать так, чтобы я мог ее снова одевать, когда захочу.

– А! Я поняла. Я не могу. Я только по стрижке... – Мужчина двинулся к Зине, она вытянула вперед руки, защищаясь, она торопливо зашептала, пытаясь сказать хоть что-то, прежде чем он убьет ее. – Я знаю, кто вам нужен! Специалист по парикам! Я знаю такого! Он все вам сделает! Я покажу, где он живет...

– Это далеко?

– Нет! Мы проедем две остановки на автобусе...

– Проедем? – Мужчина отрицательно качнул головой. – Ни за что не сяду в эти ваши магические повозки. Мы пойдем пешком. И быстро! Ты умеешь быстро ходить, маленькая изнеженная рабыня?

– Да, – Зина кивнула, глотая слезы. – Я очень быстро хожу. Вы останетесь довольны.

Надежда на спасение еще жила в ее сердце.

* * *

Мастер по изготовлению париков работал на дому. Звали его Евгений Самсонович Тучкин, был он весьма симпатичным старичком, перевалившим за восьмой десяток лет. Много всякого повидал он в своей жизни. Одна мода сменяла другую; то, что было престижно десять лет назад, могло показаться сегодня просто уродливым... Евгений Самсонович не зависел от моды. Он мог сделать своими руками что угодно – от классических бултых до авангардной прически "взрыв на макаронной фабрике". Был бы хороший материал. Заказчики всегда находились. А вот хорошие натуральные волосы попадались в последние годы все реже и реже. С синтетикой Самсоныч работать не любил. Хотя время от времени и приходилось.

Звоночек в дверь. Правильный звоночек. Длинный, потом два коротких, потом снова длинный. Кто-то из своих. Кого это несет так поздно? Что там в дверном глазке? Чернота. Времена пошли – лампочку нельзя вернуть в подъезде – сразу вывинчивают. Раньше хулиганы били лампочки, а теперь воруют. Довели страну демократы...

Тучкин приладил цепочку, щелкнул замком, осторожно приоткрыл дверь.

– Кто там? – спросил он.

Ответом ему стал удар, с корнем выворотивший шурупы, которыми цепочка прикреплялась к косяку. Дверь распахнулась вовнутрь, сбив старичка с ног, а еще через мгновение Тучкин обнаружил, что над ним, раздвинув ноги, стоит бородатый верзила с убийственно холодным выражением лица.

В течение последних десяти лет Тучкина грабили уже три раза. Стало быть, этот раз – уже четвертый. Евгений Самсонович грустно вздохнул, стенокардической болью сдавило сердце. Больших денег в квартире он давно уже не держал. Так, пару тысчонок, чтоб откупиться при случае. Доказывай вот сейчас этому бандиту, что ценнее телевизора в доме ничего нет. Бить будет... Куда смотрит милиция?

Громила повернулся и закрыл дверь – тихо, аккуратно. Опытный налетчик, видно. Сейчас начнется. "Давай деньги, фраер, жидовская морда! Разворовали всю Расею!" Последнее слышать было особенно неприятно. С одной стороны, Тучкин никогда не был евреем. Отец его, Самсон Палыч, происходил из тамбовских крестьян. С другой стороны, Тучкин не переносил антисемитов. Коробило его это.

– Вставай, ремесленник, – тихо сказал верзила. – Ты выглядишь очень старым. В нашем городе люди не живут так долго – они умирают от болезней. Ты и вправду умеешь изготавливать бороды? Твои руки хорошо слушаются тебя?

– У меня золотые руки, – заверил Тучкин, хотя на самом деле пальцы его сейчас изрядно тряслись. Выходит, все же это не вульгарный грабитель. Какой-то кавказец. Террорист-ваххабит. И что же ему нужно?

– Мне нужно сохранить мою бороду, – сообщил человек. – В вашей глупой стране без бороды ходят почти все мужчины. Я слишком заметен здесь. Но я не могу вернуться в свою страну без бороды – у нас бреют лицо только слуги, рабы и евнухи. Потому ты должен сделать так, чтобы борода моя сохранилась в неизменности. Чтобы, когда я надевал ее, никто из Благородных не заподозрил, что я осквернил свое лицо перед богами. Ты сможешь сделать это?

– Смогу. – Тучкин стряхнул оцепенение, подошел к незнакомцу, деловито дотронулся до его необычной бороды – длинной и широкой, достигающей до верхней части груди. Борода была обильно покрыта каким-то составом, напоминающим лак для волос, и потому даже при резких движениях не теряла своей прямоугольной формы с четко очерченными углами. Еще одна странность бороды: она была завитая так, что крупные кудри расчерчивали ее на поперечные полосы.

Где-то он уже видел такое. Где?..

– Извините, молодой человек, – полюбопытствовал он. – У вас такая необычная борода... Это что, признак какой-то религии? Или национальности?

– Я – житель Ашшура, – сказал человек. – Я принадлежу к благородному арамейскому роду – древнему и грозному. Мужчины моего рода всегда были воинами. Лучшими воинами в Ашшуре. Меня зовут Иштархаддон. Мне дали имя в честь великой богини Иштар.

– Так, значит, вы не мусульманин? – старичок вздохнул с облегчением. – А Ашшур – это где? Где-то на Кавказе?

– Я не знаю, что такое Кавказ, – раздраженно произнес Иштархаддон. – Ашшур находится в городе Ашшур, в стране Ашшур – да будет тебе известно, безграмотный и болтливый старик.

Он выпростал руку из-под плаща и показал Тучкину золотую брошь.

– После того как ты сделаешь свою работу, я возьму у тебя все твои деньги – они нужны мне. Взамен я дам тебе это украшение. Оно стоит дорого, поверь мне. Я мог бы забрать у тебя все просто так, и даже убить тебя, но покровительница моя – великая Иштар, Царица Цариц, разрешает убивать людей только в честном

бою. Кроме того, она велит вознаграждать людей за работу – в том случае, если работа хорошо исполнена. Тебе повезло, старик. Приступай к своему делу, и не серди меня, ибо терпение мое не безгранично!

Неуемное любопытство, не утихшее и на восьмом десятке лет – вот что мучило сейчас Евгения Самсоновича больше, чем страх перед смертью. Человек, который стоял сейчас перед ним, не был похож ни на кого, виденного им в течение долгой его жизни.

– А что будет, если я откажусь исполнять работу? – неожиданно для самого себя ляпнул Тучкин. – Или, допустим, я исполню работу плохо?

– Я не должен тебя убивать. – Иштархаддон оскалился, и Тучкину показалось, что зубы его остры, как у волка. – Но ничто не помешает мне наказать тебя. Например, отрубить тебе руку и прижечь огнем рану, дабы ты не истек кровью до смерти. Именно так я обычно поступаю с нерадивыми слугами.

– Понял, – быстро сказал Евгений Самсонович. – Приступаю к работе, господин... э... Иштархаддон.

* * *

Следователь Еремин угрюмо осматривал квартирку Евгения Самсоновича Тучкина. Господи, дадут ему когда-нибудь поспать-то? Неделя прошла с тех пор, как этот чертов Иштархаддон – то ли сириец, то ли кто-то там еще – сбежал из камеры. Еремин уже начал надеяться, что непонятный монстр исчез навсегда, вернулся обратно в ад, который, по мнению подполковника, и был настоящим его домом. И вот пожалуйста: нападение на девушку, ограбление пенсионера. Орудовал, судя по всем приметам, тот же самый бандюга Иштархаддон. Станный тип. Можно сказать, страннейший. Самый подходящий клиент для отдела Вани Бейлиса.

Одна только проблема – чтоб было Бейлису чем заняться, нужно сперва поймать этого самого Иштархаддона. А попробуй его поймай, если он сквозь стены просачивается...

– Евгений Самсонович, это он у вас все вверх дном перевернул? – осведомился Еремин, оглядывая жуткий бардак, творящийся в комнате.

– Он. Деньги искал.

– Но вы же сказали, что сами отдали ему деньги.

– Отдал. Но он заподозрил, что это мало.

– Сколько вы ему дали?

– Две тыщи триста рублями. И еще двести американских долларов. Доллары он сам нашел, мерзавец. В тайничке за книжками.

– А какую сумму требовал он?

– Вы знаете, товарищ подполковник, мне показалось, что он понятия не имеет, много или мало я ему дал. Он даже не поверил сперва, что это деньги. У меня сложилось такое правильное впечатление, что он видит бумажные деньги в первый раз в жизни. Он стал требовать, чтобы я дал ему свинец или серебро. Он даже ударил меня. – Тучкин показал пальцем на синяк, наливающийся под глазом. – А еще он хотел отрубить мне руку. Мне стоило больших трудов доказать ему, что это и есть деньги. Я объяснил ему, как ими пользоваться, и что сколько стоит. А он все равно не понимал...

Тучкин, несмотря на произошедшие неприятности, не выглядел удрученным. Похоже, он даже радовался тому, что попал в такое необычайное приключение, а теперь имеет возможность помочь родной милиции. Старичок говорил, говорил и говорил...

– Достаточно, Евгений Самсонович, – Еремин махнул рукой. – Так что, по-вашему, он похож на иностранца?

– Да нет, какой он иностранец? Во-первых, ничего про доллары не знает, во-вторых, по-русски говорит не хуже нас с вами. Безо всякого акцента. Знаете что? – дедуля придвинулся к уху подполковника и зашептал, обдавая запахом валидола. – Я думаю, что он – инопланетянин. Самый настоящий инопланетянин.

И не такой уж он плохой. Он ведь мог бы убить меня – а не убил, только по морде один раз дал, и то не очень сильно. А ведь у них там, на ихней планете, очень жестокие порядки...

– Не такой уж плохой? – Еремин усмехнулся. – Этот ваш инопланетянин недавно убил четырех человек за две минуты. А сегодня, перед тем, как к вам зайти, покалечил девятнадцатилетнюю девушку.

– Как – покалечил? – Самсоныч побледнел. До него вдруг дошло, что закончиться сегодняшнее приключение могло гораздо хуже. – Он говорил, что ему какая-то там богиня или царица не разрешает... И работа только за плату...

– Я не знаю, что он там говорил, – резко сказал следователь. – В кустах около вашего дома нашли девушку – всю в крови, без сознания. Слава Богу, живую. В больнице она пришла в себя. И написала на листочке, что на нее напал человек с квадратной бородой. Знаете, почему она пишет на листочке, Евгений Самсонович?

– Почему?

– Потому что говорить не может. Этот подонок разрезал ей язык ножом. Вдоль.

– Какой ужас! – Тучкин полез в карман за очередной таблеткой валидола. – И что же она теперь – никогда говорить не сможет?

– Врач сказал, что сможет. Хоть и не скоро, и не очень хорошо. Ей операцию сделали. Вы мне вот что скажите, Евгений Самсонович, этот грабитель не оставлял у вас никаких предметов?

– Нет, – торопливо сказал Тучкин. – Я ему бороду сделал, как я вам уже рассказывал, товарищ следователь подполковник Еремин, а потом он деньги у меня отнял, эту бороду в сумку положил, и ушел. А я сразу же позвонил в органы милиции. Да, вот еще что, я вам могу сказать особую примету. У него лицо загорелое, поэтому там, где сбрита борода и усы – кожа светлее. Вот я и подмазал ему там тональным кремом, но все равно можно заметить...

– А как же плата за работу? – Еремин посмотрел так пристально, что Самсоныч неожиданно густо покраснел. – Многолетний опыт работы с людьми, говорящими неправду, подсказывает мне, что в вашем тайничке за книжками лежит сейчас что-то интересное.

– Нет! – выкрикнул Тучкин. – Вы не имеете права! Это неприкосновенная собственность! Там ничего нету! А если и есть, то я не разрешу вам смотреть. Я буду жаловаться! Там предметы моего интимного обихода!

– Зубная щетка, что ли? – Еремин направился к книжному шкафу. – Старик попытался броситься ему наперерез, но был пойман могучей лапой опера-помощника и вежливо усажен на диван. – Бабченко, камера готова? Начинай снимать. Может быть, найдем что-нибудь интересное для Бейлиса?..

Определить местонахождение тайника можно было без малейшего труда. Старикан Тучкин, судя по всему, вытирал пыль с полок раз в год. Книги читал он и того реже. Поэтому полоса, свободная от пыли, шириной в четыре тома, явно показывала дорогу к потаенным от человеческого глаза сокровищам.

– Чистоту надо соблюдать, товарищ Тучкин, – сказал подполковник, мазнув по пыли пальцем. – Чистота, товарищ Тучкин, это, понимаете ли, залог здоровья.

Он постучал по книгам, прикрывавшим тайник. Они отозвались пустым картонным звуком. Так-так, еще и муляж не поленился сделать, конспиратор... Еремин вытащил четыре тома, склеенные в один блок. Позади них в стене обнаружилась ниша – из стены был вынут один кирпич. В нише одиноко лежал целлофановый пакетик. Еремин уцепил его и извлек на свет божий.

– Какая-то брошка, – заметил старший лейтенант Бабченко, наблюдающий за окружающим миром через глазок видеокамеры. – Из желтого металла, похожего на золото. Откройте пакетик, Петр Васильевич, я засниму.

– Открывать не буду. – Еремин открыл кейс, положил в него брошь и щелкнул замками. – Это тебе, Бабченко. Отдашь в десятую комнату, лично Турушкину. Пусть снимет отпечатки. Посмотрим, чьи там пальчики...

Еремин и так знал, чью пальчики там отпечатались. Пальцы, полностью совпадающие с отпечатками аспиранта Игоря Маслова. Это ж надо,

генетические двойники... Один – дохляк-ученый, другой – грабитель, не знающий, что такое деньги. Чистая фантастика. А гад Бейлис уваливает от работы, говорит, что данных по его части мало. Вот тебе еще данные, Бейлис. Археологическая брошка. Пусть разберется, из какого музея она украдена.

– Это инопланетное украшение! – выкрикнул вдруг старикан, вскочив с дивана. – Куда вы ее забрали? Она принадлежит мне! Это уникальный феномен! Его ученые должны исследовать!

– Не волнуйтесь, Евгений Самсонович, – сказал Еремин. – Если с этой побрякушкой все нормально, мы вам ее вернем. Только предварительно изучим как следует. Сами понимаете – все-таки вещь инопланетная, может быть опасной. Очень опасной! – Еремин поднял вверх палец. – Может являться источником высокой радиоактивности. Или, например, замаскированным взрывным устройством. Вы представьте: этот ваш Иштархаддон хочет замести следы, дает вам под видом оплаты за работы портативную инопланетную бомбочку замедленного действия, вы ложитесь спать, а утром обнаруживаете, что находитесь уже на небесах, а от вашего дома осталась только воронка глубиной двадцать пять метров...

– Двадцать пять метров – это вы загнули, Петр Васильевич, – сказал Олег Бабченко. – Это ж какую бомбищу нужно, чтоб такая глубина была! Мне кажется, эта фиговина, – он покачал перед собой кейсом, – на пару подъездов только и потянет. Ну, обвал сверху донизу, само собой. По четыре квартиры на лестничной клетке, пять этажей... – Бабченко прикидывал что-то в уме. – Предположительно от ста до ста восьмидесяти человеческих жертв, Петр Васильевич. Никак не больше. Но и не меньше.

Старичок Тучкин снова плюхнулся на диван и обнаружил, что валидол закончился.

– Товарищи милиционеры, – сказал он слабым голосом. – Может быть, вы все-таки пойдете, а? И не будете здесь размахивать взрывоопасными предметами? Ну ладно я – человек старый, пенсионер, фактически никому не нужный. А вот прямо надо мной живет товарищ Людмила Викентьевна Жулина, народная артистка страны, оперная певица. Если она сейчас погибнет, Родина вам этого не простит.

– Ладно. Поехали, – сказал Еремин. – Может, удастся сегодня еще поспать?

ГЛАВА 5

– Игоречек, милый, – Ленка умоляюще смотрела на него огромными синими глазами. – Ну, скажи, что всё хорошо. Пожалуйста.

– Всё отвратительно.

– Ты сердишься на меня, да? Прости меня, пожалуйста. Я наговорила тебе всяких гадостей. Я глупая. И я очень тебя люблю.

Игорь молчал. Знал, что ему положено сказать сейчас согласно принятому между ними ритуалу, но никак не мог заставить себе открыть рот.

– Не молчи. Скажи, что ты меня любишь.

– Ага.

– Как там, в тюрьме? Страшно?

– Не знаю. – Игорь полез за сигаретой, чиркнул спичкой. – Понятия не имею. Не был я в тюрьме. Не успел. Меня отпустили.

– А этот, убийца... Они выяснили, кто он такой?

– Нет. Он исчез.

– Кретины! Разгильдяи! – Ленка стукнула по столу кулаком. Вокруг Игоря она ходила теперь на цыпочках, но вот на милиции-то могла срывать раздражение сколько угодно. – Мы этим ментам деньги платим, а они только жрут и спят! Невинных людей хватают, а за убийцей уследить не могут! Ладно, разберемся мы с этими уродами! Отец уже звонил в Москву...

– Они не уроды, – тихо произнес Игорь, наливаясь мрачайшей свинцовой тяжестью, столь не характерной для него. – И спят они в десять раз меньше, чем ты. Слушай меня. Сейчас ты позвонишь своему папаше и скажешь ему... Если хоть какая-то московская крыса начнет доставать Петра Васильевича Еремина, я от тебя уйду. Понимаешь, Елена? Уйду от тебя! В этом мире – дерьма по шею, и я не хочу, чтобы хорошие люди оказались в дерьме из-за меня. У них и так проблем хватает.

– Игорь! – Ленка вскочила с табуретки, покрылась пунцовыми пятнами. – Да ты хоть понимаешь, что говоришь? Неужели из-за каких-то там ментов... И при чем тут я?

– Знаешь, где я был в тот вечер, когда этот головорез устроил бойню в Музее? Я был дома. И знаешь, с кем?

– Не знаю, – выкрикнула Елена. – И знать не хочу! Замолчи немедленно!

– Я был с одной девушкой. Чернокожей. Мы занимались с ней любовью.

Игорь вдруг понял, что ему совершенно наплевать, как Елена отреагирует на его слова. Ударит ли она его, как уже не раз было, или запустит в него тарелкой, или устроит невыносимо визгливые разборки. Все равно. Абсолютно все равно.

Лена сникла, опустила голову и молча вышла из кухни. Игорь сидел и курил. Слушал, как Ленка разговаривает по телефону в комнате.

– Иштархаддон, – сказал он вслух. – Иштархаддон. Похож на меня. Но он – не мой брат. Он – это сам я. Ты любишь негритяночек, Иштархаддон? В Ассирии есть хорошенькие негритянки? Ручаюсь, что нет. Откуда негритяночкам взяться в Ашшуре? Могу дать телефончик.

Ленка появилась минут через пятнадцать. Видно было, что она изрядно проплакалась, но уже привела себя в порядок. Что ж, аккуратность – она неистребима. Как и отсутствие аккуратности. Кому – что.

– Я прощаю тебя, – сказала она громко и строго. – Ты – абсолютно безвольное существо, Игорь. Наверняка это кто-нибудь из твоих черномазых студенток. И

она сама заволокла тебя в постель, чтобы ты поставил ей зачет. А ты не смог проявить характер. Так ведь?

– Так, – легко согласился Игорь. Почему бы не согласиться?

– И ты обещаешь мне, что больше такого не будет!

– Обещаю.

– Ну хорошо. – Ленка обошла его сзади, обвила его шею руками, прижалась к нему горячей заплаканной щекой. – Милый мой. Любимый мой Игоречек. Я позвонила папе. Там все будет в порядке... Не издевайся надо мной, пожалуйста! Мне так плохо... Ты ведь не бросишь меня, Игорь, милый?

– Нет.

Так-то вот. Пообещал, не думая, сможет ли сдержать свое обещание. Что, легкомысленность – это обязательное приложение к мягкотелости? Во всяком случае, в отношениях с Ленкой слабохарактерность Игоря была главным его козырем. Игорь прекрасно понимал, что он ей нужнее, чем она ему. Она – командир, которому жизненно необходимо командовать талантливым человеком. Он – талантливый человек, которому все равно, кто им командует. Эдакий вечный ребенок, нуждающийся в заботливой маме...

"Почему ты так твердо уверен, что ты талантлив? – спросил он себя. – И почему считаешь, что эта милая, непомерно честолубивая девочка сможет защитить тебя от всех бед? Не пора ли тебе самому стать чем-то большим, чем ты есть сейчас?"

Это все Иштархаддон. Он разбудил в Игоре нечто, спавшее в нем беспробудным сном с самого рождения. Мужскую гордость. Когда Игорь увидел на фотографии это сильное тело, столь похожее и непохожее на его собственное, это бородатое лицо, эти жесткие глаза, ему захотелось самому стать кем-то подобным. Иштархаддон был похож на темную половину Игоря. Ту сильную половину, которой так ему всегда не хватало.

Вот он – непобедимый военачальник, благословенный Богами! Зоркость орла, львиная храбрость, упрямство быка, – никто не в силах противостоять ему в обитаемом мире.

– Он – ассириец, – сказал Игорь. – Ты представляешь, Ленка, этот Иштархаддон – настоящий ассириец.

– Глупости все это, – фыркнула Ленка. – Еще скажи, что он – лемуриец или что-нибудь в таком роде. Он – обычный преступник.

Зазвонил телефон и Ленка бросилась к трубке. Можно подумать, что она ждала звонка от какого-нибудь министра. Вернулась она разочарованная и даже испуганная.

– Подойди к телефону, – сказала она. – Следователь Еремин звонит. Похоже, этот твой Иштархаддон снова объявился.

* * *

Подполковник Еремин нашел двух отличных консультантов, специалистов по древней истории – профессора Вязникова и доцента Шурочкина. Также в кабинете профессора присутствовал аспирант Маслов. Еремин настоял на его присутствии.

– Евсей Пафнутьевич, – обратился подполковник к Шурочкину. – Что вы можете сказать о происхождении этого ювелирного изделия?

– Забавная вещица, – Шурочкин изучал брошь, лежащую на столе, при помощи лупы. – Я бы сказал так: творческая импровизация на древнюю тему. То есть, я так скажу, господин следователь: я не могу признать это истинным археологическим предметом. Но и вульгарной подделкой это не назовешь. Потому что подделки, как правило, преследуют цель имитировать архаичное произведение искусства как можно тщательнее. Здесь же совершенно откровенно сочетаются элементы самых различных культур древнего мира. Это компиляция, но компиляция очень талантливая. К тому же выполненная с мастерством, которое превосходит обычный уровень ремесленников той эпохи.

– О какой эпохе вы говорите? Позвольте уточнить. – Еремин не воспользовался положенным ему видеотейпером, по старинке делал пометки в своем блокноте. – О какой эпохе, и, главное, о каком государстве?

– Ну что вы, батенька... – пророкотал Евсей Пафнутьевич басом, удивительно мощным для такого сублильного человека. – О какой эпохе и государстве здесь можно говорить? Я же объясняю вам – вещь сия современная, и намешано здесь столько, что ни к какому определенному стилю отнести это нельзя.

– А вы что скажете, Владислав Николаевич?

– А что я? – профессор пожал плечами. – Пожалуй, ничего к этим словам добавить я не могу. Единственное, что можно еще сделать – это проконсультироваться с академиком Дерюгиным из Москвы. Он – виднейший специалист в этом вопросе. Я могу помочь вам устроить консультацию. Но боюсь, что это не принесет никакой дополнительной информации. И так ясно, что украшение не является истинно археологическим предметом.

– Хорошо. – Подполковник кивнул головой. – Спасибо вам большое. Честно говоря, то, что вы сообщили мне, вполне меня удовлетворяет. Кстати, вполне логично то, что брошка современная. Потому что происхождение она имеет из рук человека, который называет себя Иштархаддоном. Человек он, судя по всему, полностью современный, но разыгрывает из себя некое ходячее ископаемое. Очень вредное ископаемое...

– Позвольте мне сказать несколько слов, – встрял Игорь Маслов. – У меня есть собственное мнение.

– Ну кто бы в этом сомневался! – улыбнулся Еремин. – Что ж, докладывайте ваши идеи, товарищ Маслов.

Игорь подошел к столу и взял украшение в руки. Качнул его, и золотые человечки, подвешенные снизу на колечках, тонко зазвенели.

– Я согласен с Владиславом Николаевичем и Евсеем Пафнутьевичем, – сказал он, заметно волнуясь. – Это изделие изготовлено не так давно – если не в наши дни, то не уж никак не более десятка лет назад. Но вот с тем, что все это является простой вариацией на известные темы, я согласиться не могу. Вот смотрите, – он

провел пальцем по выпуклым фигуркам. – Изделие, которое вы, Петр Васильевич, называете брошкой, судя по всему, является подвеской, или, что еще более вероятно, частью ожерелья. Еще точнее – частью мужского ожерелья, потому что батальная сцена, которая здесь изображена, характерна именно для украшений, которые носили знатные мужчины Месопотамии.

– И Ассирии? – уточнил Еремин.

– И Ассирии тоже. Трудно сказать, в каком именно из городов Двуречья использовался именно этот орнамент. Нужно учитывать взаимовлияние культур...

– Короче, – сказал Еремин, посмотрев на часы. – Давайте по делу, Игорь.

– Изделие состоит из верхней части, – затараторил Игорь, – в которой имеется рельефное изображение пяти мужчин-воинов, и подвешенных снизу от верхней части четырех человеческих фигурок. Очевидно, они изображают искалеченных противников с отрубленными стопами и кистями рук – такой мотив вообще характерен для Ассирии. Что же касается барельефа с воинами, то он, несомненно, выполнен по ассирийскому или вавилонскому трафарету: тип лица, определенный разворот тела, преувеличенно подчеркнутая физическая сила. Но вот тщательность отделки деталей лиц и фигур, выраженная, если хотите, натуралистичность, намного превосходит месопотамский стандарт. Это больше напоминает скифскую или эллинскую ювелирную технику. Наверное, именно поэтому мои коллеги решили, что речь идет о компиляции или импровизации. Кроме того, сама одежда не похожа на ту, что носили воины того времени, и вообще ни на что древнее она не похожа...

Игорь огляделся. Ученые мужи смотрели на него с улыбками – Вязников с доброй, Шурочкин со снисходительной. Подполковник Еремин не улыбался. Чувствовалось, что ему давно уже надоело все, связанное с чертовыми ассирийцами и чертовыми украшениями из Ассирии – как настоящими, так и фальшивыми.

– И что? – устало спросил Еремин. – Каковы же ваши выводы из вышесказанного?

– Это никакая не компиляция! – торжественно провозгласил Игорь. – И не подделка. Это настоящее ассирийское изделие! Только не древнее, а

современное. То есть именно так бы выглядело ассирийское, или, возможно, вавилонское украшение, если бы эти государства просуществовали до наших дней!

– Bravo! – Язвительный Шурочкин издал несколько сухих хлопков ладонями. – Ассирия сметена с лица земли две с половиной тысячи лет назад. Но я знаю, о чем вы хотите сказать, уважаемый Игорь. На самом деле Ассирия не погибла. Она переместилась куда-нибудь в подземелье, или даже на Марс. И теперь прислала к нам своего представителя, чтобы он убил нескольких человек и заставил поломать нас голову над этой подвеской. Так ведь?

– Ну, я не знаю... – Игорь смешался. – Я действительно считаю, что Иштархаддон – настоящий ассириец. Причем современный ассириец! Но я понятия не имею, откуда он взялся и как к нам попал. К тому же он – мой генетический двойник. Не забывайте об этом. Это тоже непонятно. Может быть, есть какой-то параллельный мир?..

– А вот это уже научная фантастика, – подвел итог дискуссии подполковник Еремин, убирая подвеску в пакетик. – Впрочем, Игорь, никто не мешает вам фантазировать на эту тему, как и на любую другую. Для меня же ясно – брошка не старинная, из музея не украдена, стало быть, отдельной статьи в дело не добавляет. А насчет теорий и гипотез... Я думаю, все выяснится, когда мы наконец-то выловим этого Иштара. Он нам все и расскажет.

– А каковы шансы на его поимку? – поинтересовался профессор.

– Самые высокие! – оптимистично произнес Еремин.

На самом деле он так не думал. Подполковник Еремин понятия не имел, как ловить этого преступника, не укладывающегося ни в какие рамки.

ГЛАВА 6

Трое прямоугольных парней из службы охраны ночного клуба "Рокко" грозно стояли у входа и осматривали каждого входящего. Большая часть посетителей

не привлекала их внимания – студентки и иностранцы, коммерсанты и их любовницы, народ пьяноватый или даже слегка "подколотый", но не агрессивный. Все как обычно. Хороший вечер. Никто не лезет на рожон, никто не пытается нажить себе неприятности. На то и существует приличное заведение – может быть, слегка дороговатое, но заслуживающее того, чтобы потратить хорошие деньги и хорошо отдохнуть.

Высокого парня в длинном пальто из серой кожи они выделили из общей толпы сразу же. В целом – ничего необычного. Стильный прикид, красивое, загорелое, гладко выбритое лицо, длинные темные волосы, собранные в хвост на затылке. Черные ботинки на толстой подошве. Желтый рюкзачок за спиной. Этаким плейбой, только что с югов. Но вот глаза... Нервные, напряженные, недоброжелательные. Парень зыркал по сторонам так, словно искал, кого избить. И руки в карманах... Что он там держит, в карманах? Гранату? Пистолет?

Охранники знали свое дело. Двое одновременно шагнули навстречу парню и перекрыли вход. Третий занял место посередине, чуть сзади. Фейс-контроль – вот как это называется.

– Ваш билет, пожалуйста.

– Билет? – Парень смущенно улыбнулся. – Извините, я из другой страны. Я плохо знаю, как у вас тут нужно делать. Билет – это что? Его нужно покупать, да?

Ага. Вот оно что. Иностранец. По-русски, кстати, неплохо балакает, практически без акцента. Ну ладно, иностранец – это нормально...

– Вам нужно купить билет в кассе. Это вон там, – охранник показал пальцем. – Потом спуститесь в гардероб, оставите там свое пальто и сумку. Подойдете к нам, отдадите билет. И все.

– Хорошо. – Парень продолжал улыбаться. – Вы не бойтесь, стражники, я не буду нарушать ваши порядки. Я просто хочу отдохнуть. Ведь здесь отдыхают, да? Я правильно понял предназначение этого места?

Он повернулся и зашагал к кассе. Охранники с уважением окинули взглядом его могучую спину, потом переглянулись и одновременно покачали головами.

– Крутой тип, – сказал один из них.

– Но со сдвигом, – добавил второй.

– Иностранцы – они все со сдвигом, – философски заметил третий. – А нам-то что? Лишь бы бабки платили, да вели себя прилично.

Через десять минут странный посетитель все же добрался до них, с трудом справившись с процедурой покупки билета. Конечно, охрана не поленилась и хорошенько прощупала его на входе. Но ничего неположенного при нем не оказалось. Ничего абсолютно. Карманы его были идеально пусты, если не считать толстой пачки денег.

– Из какой вы страны? – любопытствовал охранник.

– Из Персии, – сказал Иштархаддон.

Он решил соврать. Может быть, кто-то из этих дубоголовых стражников уже слышал, что в городе находится опасный человек из Ашшура. Нужно быть осторожнее. И хорошо бы узнать название какой-нибудь из стран этого мира.

– Персия – это где? – охранник озадачился. – Это где-то в Италии, да?

– Да, – Иштархаддон кивнул головой. – Персия – это город в Италии. Большой и красивый город. Богатый город.

– Вы хорошо говорите по-русски.

– Я стараюсь, – сказал Иштархаддон. – Очень стараюсь.

* * *

Людмила предпочитала, чтоб ее называли Миленой. Именно так. Правда, она уже знала одну Милину, двух Милли, трех Милен и десяток Мил, но что ж тут поделаешь... Не дурацким же именем Люська себя величать. Тем более, если работаешь с представителями иностранных государств.

Сегодня уже подваливал к ней один нерусский. Кучерявый какой-то. Милена отшила его. Неприятный тип – пожалуй, даже опасный. Притворяется чуть ли не американцем, а сам явно турок. Промучает всю ночь, а потом кинет сотку – и будь здорова. Так не пойдет. Хочешь купить дешевую девочку – пожалуйста, вон их сколько, на выбор. Забирай и вези! А Милена выберет себе человека сама. Она всегда выбирает сама. И деньги тут – не главное...

Ого! Вот это парень! Милена невольно залюбовалась. Рост баскетболиста, стройная красивая фигура. Симпатичный мужик. Подпирает стену, бедолага, растерянно озирается по сторонам, как будто с неба свалился. Прикид странный – боты-луноходы, длинная ярко-красная рубашка навыпуск, клетчатые бесформенные штаны – давно уже Милена таких не видела. Золотое ожерелье на груди – на полкило, наверное, не меньше. Дикие шмотки, но оригинальные. Иностранец, конечно – видно невооруженным взглядом. Прикид из-за бугра. Свежачок. Значит, через полгода все будут одеваться так. И Милена тоже наденет что-нибудь подобное – куда денется?

Зацепить его. Зацепить немедленно, пока кто-нибудь другой не сработал. Вот бы еще и без денег, с таким можно и бесплатно. Ради собственного удовольствия... Нет, сегодня без денег не получится. "А у меня – очередной финансовый крах". Сегодня она просто обязана заработать хоть пять сотен. Иначе ее отключат от сети...

Милена поставила на стол стакан с коктейлем, встала, поправила свое маленькое платьице, и решительно двинулась к парню.

* * *

Дикая страна, удивительные обычаи. Значит, это они называют отдыхом?

Место, в котором находился сейчас Иштархаддон, напомнило ему храм его рода. Храм великой Иштар, богини-воительницы, Матери Удовольствия. Четыре раза в год в храме Иштар устраивались Праздники Радости: вспыхивали огни, ароматный дым наполнял темные залы, громко играли музыку, и били в бубен, и почти так же, как здесь, томно извивались в танце полуобнаженные жрицы, с коими никто из жителей обитаемого мира не мог сравниться в искусстве любви. Только здесь, в этом диком храме, не было порядка. Сразу было видно, что

каждый из находящихся здесь людей получает свою собственную, отдельную радость, и не стремится к радости общей, и не знает церемоний, и не взывает к богам. Глупые, слабые люди. Изнеженный мир. Почему боги отвернулись от него? Почему позволяют здесь жить людям в дикости и беззаконии?

– Эй, миста! – кто-то дернул его за рукав. – Ду ю хэв сигарет?

Иштархаддон обернулся. Маленькая соблазнительная жрица любви. Короткие рыжие волосы на голове торчат как иглы. Лицо разрисовано – губы розовой краской, глаза – синей и зеленой. Одежды почти нет, а та, что есть, прилипла к телу так, что не скрывает ничего. Женщина необычная, но красивая. Она понравилась Иштархаддону. Она поможет ему.

– Я не знаю этого языка, – бросил Иштархаддон. – Говори на каком-нибудь другом, женщина.

– О, так ты по-русски говоришь?! – оживленно воскликнула она. – Классно. А ты откуда?

– Италия, – сказал парень. – Есть такая страна – Италия. Ты знаешь ее?

– Естественно! Италия! Супер! Бон джорно, бамбини! У вас там сейчас, тепло, наверное? Сколько градусов?

– Много градусов, – наобум сказал Иштархаддон. – Очень много градусов. Скажи свое имя, женщина.

– Неприлично называть девушек женщинами, – наставительно произнесла она. – Я девушка, запомнил? Или даже девочка. А зовут меня Милена.

– Хорошо, – парень улыбнулся. – Извини, девочка Милена. Я не очень хорошо знаю как у вас нужно говорить, чтобы не обидеть девочек и людей. Ты будешь мне все объяснять. Теперь ты будешь помогать мне.

– Помогать? – Милена вытаращила глаза. Всякое ей приходилось слышать от своих клиентов, но вот такое словечко – "помогать" – встретилось в первый раз. – Слушай, друг мой, я что-то плохо понимаю. Ты меня наверное с кем-то

перепутал. С этими, ну, которые к пенсионерам ходят. Это они помогают.

– Я буду тебе платить за работу, – спокойно сказал Иштархаддон. – А ты будешь везде ходить со мной. Я дам тебе денег и ты будешь покупать мне еду. Ты научишь меня, как ездить на такси. И как себя нужно вести. И будешь предупреждать меня об опасности. У тебя есть муж?

– Нет.

– Это хорошо. Потому что ты красивая. Ты будешь не только помогать мне. Я полюблю тебя. Я возлягу с тобой на ложе и буду тебя...

Тут парень произнес неприличное, но совершенно откровенное слово. Милена фыркнула. Смешной итальянец успел уже набраться неприличных слов. И, как и положено иностранцу, употребляет их безо всяких тормозов.

– А денег у тебя хватит? – любопытствовала она. – На то, чтобы меня... ну, скажем так, любить?

– Ты жрица, – сказал парень очень серьезно. – А жрицы не могут брать деньги за любовь. Женщины вообще не могут продавать свою любовь. Потому что это противоречит законам богов, и боги неминуемо накажут за это.

– Боги?! При чем тут боги? Ты что, упертый католик? – Милена махнула рукой, разочарование появилось на ее лице. – Надо ж, такой симпатичный, а с придурью. Жрица, скажешь тоже... Ладно, счастливо оставаться. С тобой не договоришься...

Она повернулась и пошла к своему столику. Там уже сидел какой-то мэн, дожидаясь ее. Что-то знакомое. А, так то ж Казимир. Поляк. Приторно-вежливый дяденька, почти полный импотент, но богатый. К тому же, не дебил, как этот длинный итальяшка. Все схватывает на лету.

– Привет, Казик, – Милена плюхнулась на стул. – Давно в Нижнем?

– Только сейчас. – Казимир, лысеющий толстяк лет сорока пяти, улыбался, блеснул керамическими зубами, зелено-фиолетовыми в свете мигающих

фонарей дискотеки. – Я приехал, и вот – сразу здесь. К моей паничке Милене. Как твои дела?

– Мои дела хорошо, – сказала Милена, подражая смешному акценту поляка. – Только я, как это... не имею много денег. Это есть моя проблема, которую мне надо решать.

– Это совсем не проблема. Прямо сейчас. Мы пойдем прямо сейчас в гостиницу, потому что я сильно скучаю за тобой. Мы пойдем, и тогда я дам тебе денег. Только прямо сейчас – я очень хочу.

– И сколько денег ты мне дашь? – Милена лукаво прищурила один глаз, слегка наклонила голову. Некрасиво торговаться, но может быть этот жмот накинёт ещё хоть немножко? С деньгами у неё на самом деле проблемы.

– Сколько обычно.

– Я дам больше, – раздался голос из-за спины. – Я дам больше и девочка Милена пойдёт со мной.

Милена обернулась и увидела итальянца. Он стоял, скрестив мощные руки на груди. Красивый мужик, что и говорить. Жаль, что идиот.

– Ты дашь мне денег? – Она изобразила на лице крайнее удивление. – А как же твой бог? Он же запрещает это! Он накажет девочку Милену и от неё останется только мокрое место. Только одно маленькое и совершенно мокрое местечко.

Милена откровенно показала пальцем, какое место она имеет в виду.

– Ты умная, – сказал Иштархаддон. – И ты смешно шутишь. Это необычно, когда девочка шутит как мужчина. Но я понимаю это. Многие не простили бы тебе это, потому что знают, что женщинам нельзя шутить. Но я прощаю. Мне даже нравится это. Пошути ещё, девочка Милена.

– Деньги на бочку, – произнесла Милена грубым голосом. – Без денег даже шутить не буду.

– Кто этот парень? – Казимир брезгливо выпятил толстую нижнюю губу. – Милена, о чем ты с ним говоришь? Мы ведь имеем с тобой окончательный договор. Поехали, я не могу больше ждать много.

– Замолчи, уродливый низкорощенный купец, – надменно произнес парень. – Ты будешь говорить тогда, когда я тебе разрешу. Вот, смотри, девочка... Этого достаточно?

Он достал из кармана пачку и начал отсчитывать банкноты, выкладывая их на стол. Бумажки – каждая по сотне долларов. Одна, вторая, третья... Шестьсот баксов. Неслабо!

Казимир побагровел, раздул щеки, собираясь сказать что-то, но итальянец бросил на него взгляд столь тяжелый, что толстяк осекся и решил помолчать.

– Полдюжины денег, – сказал парень. – Я не плачу тебе за любовь, девочка. Я не могу платить за любовь – это противно богам. Но ты очень нравишься мне, поэтому я дарю тебе эти бумажки. Ты купишь на них подарки для себя. Такие, какие захочешь. А если мы подружимся с тобой, я дам тебе еще дюжину таких денег. А может быть, и не одну дюжину. У меня их много. И я знаю, где их брать.

Нет, он не идиот, тут же решила Милена. Он очень умный парень, к тому же дьявольски симпатичный. И уж, безусловно, оригинальный.

– Как тебя зовут, итальянец? – спросила она.

– Хадди, – сказал Иштархаддон. – Это не полное мое имя, но ты зови меня Хадди. Мое настоящее имя слишком длинно, чтобы ты могла им пользоваться.

– Пойдем, Хадди. – Милена решительно сгребла со стола деньги и сунула их в сумочку. – Пойдем, милый. Я научу тебя всему. Научу такому, о чем ты до сих пор даже не подозревал. Тебе понравится.

– Эй, ты, Хадди! – поляк вытянул пухлую руку, украшенную серебряными перстнями, схватил Иштархаддона за рукав. – Ты что, совсем дурак, да? Ты знаешь, сколько стоит эта девчонка? Двести баксов за ночь! Ну, три сотни – не больше. Ты что, думаешь, что она принцесса?..

Милена хлестнула его по щеке ладонью – громко, больно, оглушительно.

– Слизняк, – сказала она, презрительно усмехаясь. – Ты думаешь, я делаю это ради денег? Плевать мне на деньги. И на тебя плевать тоже. Ты не мужик.

– Миленочка, милая, как ты можешь... – затянул было Казимир и резко заткнулся. Хадди поднял руку – в пальцах его блеснула острая сталь.

– Еще слово, и я отрежу твой язык, длинный, как у сирруша[2 - Сирруш – мифическое животное вавилонян: грифон с головой и языком змеи, телом, покрытым чешуей, львиными передними и птичьими задними ногами.] , – отрывисто бросил парень.

Казимир мешком свалился обратно на стул, сердце его на миг остановилось от страха. Он сидел и смотрел, как огромный Хадди протискивается сквозь танцующую толпу, прокладывает себе дорогу напрямик, равнодушно толкая людей и наступая им на ноги, как тащит за собой бедную Милену. Невероятно опасный человек. Дикая, хамская манера разговора. Нож в качестве аргумента. Может быть, он из этой их чеченской мафии? Не похож. Чеченец никогда не позволит себе одеться так по-дурацки пестро. Но он бандит. Безусловно, бандит. Куда смотрит охрана?

Мать Божья и двенадцать апостолов, думал Казимир Малиновский, ну что за дурная страна – эта Россия? Богатейшее государство мира, устойчивая валюта, стабильное развитие, и вот на тебе – нищие на улицах, преступность, проституция. Почему такая девушка как Милена – умница, с хорошим образованием, отлично знающая несколько языков, торгует своим телом, чтоб заработать на жизнь?

Непонятная девчонка. Такое впечатление, что она ведет такой образ жизни только потому, что он ей нравится. Казимир звал ее собой в Польшу – она только посмеялась. Малиновский знал, что она отказала и многим другим иностранцам – побогаче и помоложе, чем он.

Ладно, увидит он еще свою Милену. Увидит. Куда она денется? Он увидит ее, и попросит прощения, и скажет, что ему тоже плевать на деньги, и что он еще совсем не старый, просто так получилось, что он действительно не может жить без нее, и с этим нужно что-то решать. Решать серьезно, изменять всю свою

ЖИЗНЬ...

Когда пан Малиновский час спустя пил пиво в бильярдной, этажом ниже, он неожиданно увидел кое-что такое, что сильно поколебало его уверенность в том, что он увидит Милену еще хоть раз в своей жизни. Криминальная хроника по телевизору. Казимир вздрогнул, когда увидел компьютерный портрет преступника. Хадди смотрел на него с экрана холодно и жестоко. Тот самый Хадди – безо всякого сомнения. Казимир прислушался.

– Преступник действует дерзко и жестоко, – сообщил ведущий. – Мы имеем основание предполагать, что данное ограбление – очередная работа человека, который известен под кличкой "Сириец", и приобрел ужасную славу убийством знаменитого мецената англичанина Джона Рэндолла. Однажды Сириец был задержан, но сумел сбежать из нижегородского изолятора временного содержания. Это уже четвертое преступление, совершенное Сирийцем за последние три дня. Напомню вам, что первым из этих преступлений было нападение и нанесение увечий молодой девушке, вторым – ограбление квартиры пенсионера Тучкина. Вчера ночью Сириец взломал дверь продуктового магазина, избил до потери сознания милиционера, охранявшего здание и успел скрыться до прибытия милиции, прихватив с собой большую сумму денег. И вот сегодня, около пяти часов вечера, ограблены инкассаторы, забиравшие выручку из пункта обмена валюты. Преступник сумел справиться с двоими охранниками, вооруженными пистолетами, забрал брезентовый мешок с деньгами и скрылся. Охранники утверждают, что грабитель не имел огнестрельного оружия, а также видимого холодного оружия. Однако, как нам удалось выяснить, пострадавшим нанесены резаные раны. Один из инкассаторов сказал нам, что у преступника "железные когти, острые, как бритвы"...

Малиновский вытащил из внутреннего кармана пиджака мобильный телефон и набрал номер.

– Милиция? – сказал он. – Я видел преступника под названием Сириец час назад. В клубе Рокко. Он ушел с девушкой.

– Куда они ушли? – дежурный на линии встрепнулся. Малиновский представил, как дежурный бегаёт пальцами по клавиатуре, срочно подзывает к себе людей. – Не кладите трубку, пожалуйста! Это очень важно! Как зовут девушку?

– Милена... – Казимир вдруг сообразил, что никогда не знал, ни как по-настоящему зовут Милену, ни где она живет. – Эта девушка зовет себя Милена. Где живет – не знаю. Я так думаю, снимает где-то квартиру.

– Как ваша фамилия?

– Малиновский. Казимир Малиновский. Я из Польши. Бизнесмен.

– Где вы сейчас находитесь?

– В "Рокко". В бильярдной. Это напротив гардероба...

– Сидите там. Минут через пять-десять приедут наши люди. Вы... Вы ведь не откажетесь помочь нам, господин Малиновский?

– Не отказываюсь, – сказал Казимир. – О Матерь Божья, конечно нет. Этот тип – настоящий маньяк. Он очень плохой парень. Очень.

ГЛАВА 7

– Хадди, – бормотал Иштархаддон. – Я снова Хадди. Как в детстве.

До тринадцати лет мать так и звала его – Хадди. И братья, и сестры звали его так же. Отец называл его, как и положено, только полным именем. И слуги, само собой – полным именем. "Господин Иштархаддон" – даже если ты еще карапуз, умеющий держать в руках только игрушечный деревянный меч. Иштархаддон вспомнил, как в шесть лет он пытался убить своим деревянным мечом слугу-мушкена, не отдавшего ему должных знаков почтения. А Мишшу, бородатый денщик, не решался вмешаться, чтобы не разгневать еще больше маленького, но уже грозного господина. Иштархаддон улыбнулся. Отец отругал тогда его. "Ты не должен прикасаться к мушкенам, – сказал он. – Наказывать слуг – дело авилу, наказывать авилу – дело управителей дома. Дело Благородных – война. Война, и науки, и служение Богам. Иди в молельню и проси великую Иштар простить тебя"...

Похоже, что в Дикой стране, куда попал сейчас Иштархаддон, не было рабов. Слуг здесь было множество, но вели они себя неподобающе нагло – почти наравне с хозяевами-управителями. А что касается Благородных, то Иштархаддон пока не видел их вовсе. Ни одного. Странно. Кто же сумеет защитить эту страну, если враги нападут на нее?

Он смирится с тем, что его будут звать просто Хадди. Он смирится со всеми варварскими обычаями, которые ему придется исполнять здесь. Он будет вести себя осторожно и постарается больше никого не убивать. Он сделает все, чтобы разобраться в устройстве этого мира, и найти в конце концов то, ради чего он сюда пришел – зелье Иштар. Цветок Юности.

А после этого он уйдет в Ашшур и никогда не вернется сюда. Тяжело жить в мире, проклятом богами. Может быть, он даже не расскажет никому, что кроме Обитаемого Мира есть и другие земли.

Это опасно – такое знание. Потому что люди Обитаемого Мира могут прельститься изнеженным образом жизни Дикой страны. И тогда они станут беззащитными перед врагами с других островов. И чужие боги придут тогда в Ашшур и растопчут его, и разрушат его дворцы, и уведут в плен всех его жителей, и сделают их рабами.

– Да услышат мои молитвы Ашшур и Иштар, – прошептал Хадди. – Я получу то, что сделает меня сильным. Я уже почти знаю, как это сделать.

* * *

Иштархаддон мылся под душем. Удивительно удобное устройство. В его собственном доме, конечно, было нечто подобное. Большой чан на крыше: слуги натаскивали туда воду, она нагревалась на солнце, чан соединялся длинной трубой со специальной комнатой на первом этаже... Конечно, принимать душ в Ашшуре могли только обеспеченные люди – слуги пользовались общей мыльной раз в две недели, а вонючие рабы так и вовсе не мылись никогда. В Дикой стране, несмотря на ее дикость, горячая и холодная вода была подведена в каждый дом, даже если он принадлежал почти нищему. И искусственный свет, и горячий воздух в плитах на кухне. И повозки, едущие по себе, и железные птицы в небе... Поистине, боги Дикой страны, неизвестные жителям Обитаемого Мира, дали своим людям слишком много знаний. Так много, что окажись слабые

жители Дикой страны в бесплодной пустыне, без своих технических чудес, они неминуемо должны умереть...

И все же душ – это так хорошо. Замечательно. Иштархаддон с удовольствием подставлял свое тело горячим струям, позволял им смывать ароматное мыло. Вода текла по его коже и с журчанием исчезала в отверстии ванны.

Маленькая жрица Милена показала ему как пользоваться кранами. Показала на собственном примере. Она сняла с себя всю одежду – всю, безо всякого стеснения, и залезла в ванну, и вымылась под душем. Хадди стоял в ванной и обалдело смотрел, как моется девушка. Он видел такое в первый раз. Милена даже предложила помыться ему вместе с собой, и он торопливо разделся, дрожа от возбуждения и прося прощения у великой Царицы Цариц, а потом переступил высокий край ванны и оказался совсем рядом с голой, мокрой, красивой девочкой. Но, конечно, никакого мытья не получилось – он схватил ее и овладел ею немедленно, впился в нее с рычанием, как голодный лев. Такое непригодное для любви место, как ванна, кажется, не доставило Милене никаких неудобств. Она сама помогла Хадди войти в нее, она обхватила его поясницу ногами, она скользила по нему горячей кожей, а он горячо скользил внутри нее... Она получала искреннее наслаждение – он видел это, и ему хотелось убить ее, потому что она уже делала такое с другими мужчинами, и хотелось плакать от радости, как делал он это во время оргий в честь Царицы Цариц; Иштархаддон плакал, и рычал, и облизывал языком гладкое лицо Милены... пока все не закончилось.

Она была жрицей любви, без сомнения. Жрицей, более искусной в своем деле, чем все жрицы храма Иштар. Она была настоящим сокровищем, эта Милена. Жаль, что Хадди не мог захватить ее с собой в Ашшур. Он бы сделал это. Он бы даже разрешил ей стать своей женой. Единственной женой.

Она завернулась в пушистый халат, ушла из ванной в комнату и оставила его одного. Хадди был благодарен ей и за это тоже. Ему нужно было остаться в одиночестве. Подумать о том, что происходит. Поразмыслить, нет ли в происходящем ловушки, смертельной опасности.

Пока он не чувствовал опасности. Только радость. Воину нельзя позволять себе испытывать радость слишком часто, но сегодняшнюю радость Иштархаддон заработал. Царица Цариц не рассердится на него.

Хадди опустил рычаг крана и вода перестала течь. Как просто. Надо будет приказать ремесленникам изготовить что-нибудь подобное.

Он вылез из ванны и вытерся полотенцем. Обмотал полотенце вокруг бедер. Посмотрел на себя в зеркало. Милена сказала, что у него великолепное тело, что он красив как бог. Иштархаддон усмехнулся. Только цари могут сравнивать себя с богами. Но разве не для того Великая Иштар указала ему путь в Дикий Мир, чтобы он нашел зелье и смог стать царем? Он вернется в Ашшур и станет его царем. Великим царем. И тогда он завоюет все остальные земли Обитаемого Мира...

Он вошел в комнату. Небольшое помещение, где было так несуразно много мебели и разнообразных непонятных предметов. Чуть ли не половину комнаты занимала огромная мягкая кровать, на которой возлежала сейчас Милена. Соблазнительная жрица в желтом пушистом халате. Милена курила сигарету и смотрела телевизор. Хадди уже знал, что это такое – сигареты и телевизор. Телевизоры ему определенно нравились, а сигареты... Сигареты – нет. Ничего приятного не было в этом сером дыме, напрочь лишенном каких-либо признаков ароматических благовоний.

С экрана телевизора на Иштархаддона смотрел... сам Иштархаддон.

– Так вот оно что, – не поворачиваясь, сказала Милена. – Оказывается, ты Сириец, Хадди. Я так и думала, что ты не итальянец. Не похож ты на итальянца. Хотя на сирийца ты тоже не похож. Ты вообще ни на кого не похож. Станный ты тип, Хадди.

Иштархаддон молча присел на край кровати, провел ладонью по гладкой ноге девушки, развязал пояс, раздвинул полы халата. Темный треугольничек лона, плоский живот без жирных складок, неизменных для ассирийских женщин, аккуратный пупок, проколотый серебряным колечком.

– Ты – грабитель, – произнесла Милена. – Ты – грабитель и убийца, Хадди. Теперь я знаю о тебе все. Что ты на это скажешь?

– Тебе страшно? – спросил Иштархаддон, нежно дотрагиваясь пальцем до пупка, изучая серебряное колечко. – Ты боишься меня, Милена?

– Не знаю... – девушка выдохнула струйку дыма в потолок. – Я и сама не паинька, Хадди. Но я не убийца. И не думаю, что смогу иметь дело с убийцей. Это ужасно – убивать людей. Ты и меня убьешь, да? – В глазах ее светилось любопытство.

– Ты не знаешь обо мне ничего. – Хадди поднял голову и посмотрел девушке в глаза. – Я не убийца. Я – воин. Эти люди напали на меня, и я защищался. Я не виноват в том, что они оказались так слабы. Один из них был настоящим воином, но... Я был сильнее, и он умер. Я воин, Милена. Непобедимый воин. И те, кто достаточно умен, чтобы в трепете склонить предо мной колена, живут. Те же, кто пытается убить меня, погибают сами.

– А эта девушка? Зачем ты искалечил ее?

– Я просил ее молчать. Не звать на помощь. Она должна была помочь мне, и после этого я отпустил бы ее. Как отпустил смешного послушного старика. Она начала кричать. Я должен был отрезать ей язык, но я не сделал этого. Почему-то я пожалел ее. Я только лишил ее возможности кричать.

– Чем? Своим железным когтем? Покажи мне свое оружие.

– Смотри. – Хадди сделал неувловимое движение правой рукой и из среднего пальца со щелчком выскочило стальное, слегка загнутое лезвие – острое и блестящее. Снова движение, и лезвие спряталось. Милена взяла Иштархаддона за руку и внимательно осмотрела его палец. Почти ничего не было заметно – только небольшой мешочек из кожи телесного цвета, прикрепленный к пальцу сбоку.

– Ты просто Фредди Крюгер, – сказала она.

– Кто это?

– Да так, один тип. Тоже убийца. Маньяк. Только он ненастоящий, придуманный. А ты – настоящий. Живой. – Милена провела пальцами по мощной руке Иштархаддона, и вдруг, неожиданно для самой себя, повалила Хадди на кровать и прижалась лицом к его широкой груди. – Хадди, Хадди... Если я нападу на тебя, ты убьешь меня?

– Убью, – неуверенно сказал Иштархаддон. – А может быть, и не убью. И даже не накажу. Не знаю... Ваша изнеженная страна как-то странно действует на меня. Плохо действует. Я никогда не убиваю людей из-за желания убивать – просто я знаю, что нужно поступать именно так, ибо так говорят законы, данные нам богами. Я никогда не задумывался, хорошо это или плохо – убивать. Потому что если я не убью врага, то он убьет меня. А здесь, в вашей Дикой стране, все по-другому. Вы считаете, что каждый человек может делать все что захочет. Единственное, на что он не имеет права – причинять боль другому. Вы все равны – от слуги до господина.

– Ну ты загнул! Так уж прямо и равны...

– Равны! – упрямо повторил Хадди. – Ты не представляешь, девочка Милена, что значит неравенство. Настоящее неравенство, священное и справедливое неравенство, узаконенное волей богов. К примеру, женщины: в нашей стране есть "жены Благородных", "жены людей", "дочери людей". Есть рабыни. Раньше были также и блудницы, но шестьдесят лет назад великая Иштар приказала убить всех блудниц, и блудниц убили, принесли в жертву, остались только жрицы любви. Милена, я не знаю, к какому сословию ты принадлежишь – ты живешь, как дочь человека, благородна, как жена Благородного и искусна в любви как жрица Иштар. Никогда в нашей стране ты не смогла бы жить так свободно. Никогда... Жена человека может стать рабыней, если человек не сможет отдать долги и будет продан в рабство. Но никогда дочь человека не поднимется до жены Благородного.

– Когда-то и в нашей стране было все так, как ты говоришь, – задумчиво сказала Милена. – Очень давно. В древности. Я изучала историю в институте. И я еще не все забыла.

– Я знаю, почему ваша страна живет именно так, – сказал Иштархаддон. – Я знаю, почему ваша страна так не похожа на нашу.

– И почему же?

– Ваши боги. Они совсем не похожи на богов Обитаемого Мира. Они другие. Мне кажется, что они добрее наших богов. Наши боги – Ашшур, и Иштар, и Зевес и Гера, кои царят над Элладой, и Анхгро-Манью персов, и все прочие, – они не могут быть добрыми. Потому что тогда народ, ведомый ими, изнежится, и станет

слабым, и будет завоеван и угнан в рабство. Боги Обитаемого Мира грозны и справедливы. Справедливость богов состоит в жестоком выполнении законов, данных ими. Неповиновение карается увечьем или смертью, или, ежели прегрешение незначительно, каторжной "царской работой". Ибо людей много, и плодятся они быстро, и ценность людей ничтожна. А стран мало, и каждая страна боится пасть, и стать частью другой страны. Так уже было не раз. И больших трудов стоит богам воссоздать вновь свою загубленную страну, и возродить народ, и отстроить ее из руин, дабы снова сделать ее сильной. Как зовут бога вашей страны, Милена?

– Бога? – Милена задумалась. – У нас большая страна. У нас много богов. Есть просто Бог, а еще Аллах, а еще Будда, и Кришна, и всякие-разные другие.

– Неправда, – Иштархаддон покачал головой. – У одной страны может быть только один бог. И одна богиня – жена бога. В нашей стране это Ашшур и Иштар. А в Египте, например, – Амон и Нейт. Иначе и быть не может. Потому что страна – это главная ипостась бога. А люди – лишь воины, предназначенные для защиты этой страны. Войны ведут не люди. Войны ведут боги. И сопротивляться воле богов – значит перестать быть человеком.

– Понятно. – Милена отстранилась от Иштархаддона. – Хочешь, я расскажу тебе про главного бога нашей страны? Его имя – Иисус Христос. Он действительно добрый. Очень добрый – гораздо добрее самих людей. Он принес в наш мир любовь. Знаешь, что гласит одна из его главных заповедей? "Не убий!" А еще он сказал: "Если тебя ударили по правой щеке, то подставь левую".

– И ты веришь в такого бога? – озадаченно спросил Хадди.

– Верю, – сказала Милена. – Ну, если честно говорить, – она замялась, – я, конечно, не исполняю никакие там обряды, и в церковь не хожу. Но я думаю, что это не обязательно. Главное – я верю, что он есть. Он хороший. И он простит меня за то, что я грешу и что-то не так делаю. Он всех прощает.

– Ваш бог слаб! – вынес свой вердикт Иштархаддон. – И он не сможет защитить вашу страну. Вас спасает только то, что в вашем изнеженном мире нет войн.

– Да ну тебя! – Милена оттолкнула Хадди, спустила ноги с кровати, одернула халат. Никогда ее не волновали вопросы религии, а тут вдруг она возмутилась,

обиделась за своего Бога. – Что ты заладил: "Войны, войны"... Есть у нас войны. Постоянно кто-то друг с другом воюет. Только боги тут не причем. И уж особенно Иисус не причем. Это сами люди виноваты. Не живет им спокойно. Ты зачем пришел сюда, Хадди? Посмотреть, что в этой стране можно завоевать? Выкинь это из головы. Я не знаю, откуда ты взялся, из какого такого отсталого мира, но я думаю, что всю армию вашей страны одна наша дивизия перестреляет за пару часов. Вот, полюбуйся!

Она схватила дистанционный пульт и начала перебирать каналы телевидения, пока не нашла нечто подходящее. Фильм о Великой Отечественной войне. Кино советских времен – добротное, с массовыми батальными сценами, страшными в своей реалистичности. Пламенный ад царил на экране. Солдаты с криками бежали в атаку, стреляли, убивали и сами умирали десятками и сотнями. Тяжело ухали пушки, разрывы снарядов взметывали в воздух тонны земли, валя огромные деревья как соломинки. "Катюши" с воем выпускали в небо огненные залпы – один за другим. Бомбардировщики утюжили все это сверху, посыпая смертоносными бомбами, и ревущие штурмовики заходили в крутое пике...

Да уж... Наглядно. Не хотела бы Милена оказаться в такой жуткой мясорубке. Это вам не мечом махать. Она перевела взгляд на Хадди. И обомлела.

Никак она не ожидала, что суровый и сдержанный Сириец отреагирует на это зрелище так неприкрыто болезненно. Хадди плакал. Плотно сжатые губы его вздрагивали, слезы текли по лицу, и Хадди, всхлипывая, вытирал их рукой. Он плакал, и качал головой, и не мог оторваться от экрана. Неподдельный ужас застыл на его лице.

– Хватит. – Милена нажала на кнопку и выключила телевизор. – Хадди, Хадди... – Она подошла к парню сзади, положила руку ему на плечо, погладила по голове. – Тебе жалко этих людей? Ручаюсь, что нет. Почему же ты плачешь, Хадди?

– Мне страшно, – прошептал он едва слышно. – Ваши боги так могущественны... Они дали своим жрецам такие сильные заклинания... А наш Обитаемый Мир так мал по сравнению с вашим огромным Диким Миром. Теперь я понимаю, почему наш мир отгорожен от вашего. Если бы ваши военные машины, ваши огненные железные птицы сумели найти наши острова... Наши боги не смогли бы ничего сделать. Прости меня, Иштар, Царица Цариц...

Большой, насмерть перепуганный ребенок – вот кто сидел сейчас перед Миленой. Она больше не боялась его. Девушка опустила на колени и положила голову на колени Хадди. Она почувствовала, как дрожит его сильное тело.

– Откуда ты, Хадди? – тихо спросила она. – Где находится твой мир? В другом измерении? В другом времени?

– Нет! – заорал парень и вскочил на ноги так резко, что бедная Милена упала на пол. – Я не скажу тебе! Почему ты хочешь знать это, жрица неведомых мне богов? Ваши боги могут узнать дорогу в Обитаемый Мир и возжелать его! И кто сможет их тогда остановить? Что смогут сделать самые наши лучшие колесницы против ваших машин, плюющих огнем? Ты специально заманила меня сюда, да, жрица? Я убью тебя. Прямо сейчас!

Милена не успела даже вскрикнуть. Хадди наклонился, схватил ее за волосы и одним рывком поставил на ноги. Лезвия щелкнули и выросли из его пальцев – три штуки сразу.

– Львица Львиц Иштар, давшая мне свои когти, – гортанно произнес ассириец, – прими эту жертву во славу свою, и кровь ее для утоления жажды своей, и сердце ее для силы своей, и печень ее для утоления голода своего...

Милена задержалась, пытаясь скинуть с себя халат... наконец ей это удалось. Она мотнула головой и короткие волосы ее, мокрые еще после душа, выскользнули из пальцев убийцы. Она сделала шаг – нет, не назад, вперед. Она обхватила Хадди руками и прижалась к нему обнаженным телом. Она привстала на цыпочки и дотянулась губами до его рта, перекошенного в ярости. Не только в ярости – теперь уже и в недоумении.

– Убей меня, Сириец, – прошептала она. – Убей. Воткни в меня свои ножи. А потом возвращайся в свой мир, к своим женам Благородных – тупым и откормленным, как свиньи. И забудь меня навсегда.

ГЛАВА 8

– Да, совершенно верно, выставка-продажа медикаментов, – произнесла Инна Александровна наивежливейшим голосом. – Фирма "Нижегород-Форте". Одна из крупнейших в области. И скидки у нас очень хорошие. В течение пятнадцати дней. Да, очень широкий ассортимент. Да, если небольшая партия и оплата наличными, вы можете забрать все сразу из офиса. Что значит по рецептам? Мы же не аптека, мы фирма, торгующая фармакологическими препаратами. Это вы в своей аптеке уже будете по рецептам торговать. Да, практически все, кроме наркотиков и некоторых препаратов группы "А". Если чего-то не имеется, мы можем заказать специально для вас, в течение одного-двух дней привезут. Что вас конкретно интересует? Целый список? Диктуйте.

Инна Александровна поправила очки на носу, вооружилась карандашом и начала ставить галочки в прайс-листе.

– Ага. Да. Да, есть. И это тоже. Ага. Ага. Этого сегодня нет, но будет уже завтра. И это завтра. А это мы вам закажем. Заказать, да? Хорошо. На какую фамилию записывать? Хорошо. Замечательно. Послезавтра мы вас ждем. В какое время поменьше народа? Около девяти утра – сразу, как мы только открываемся. До десяти вообще никого не бывает. Все идут с десяти – половины одиннадцатого. Как меня зовут? Инна Александровна. Лично ко мне хотите? Ко мне и попадете. Ну и отлично. Всего хорошего. Спасибо за заказ!

Инна Александровна положила трубку. Галантный голосочек, ничего не скажешь. Только вот кому он принадлежал? Мужчине или женщине? Непонятно. Что-то среднее. И ведь не спросишь: "Извините, а вы кто – мужчина или женщина?" Наверное, все-таки какой-то голубенький мужчинка. Или мужеподобная женщина.

И список, продиктованный ей, тоже тот еще. Нейролептики, глюкозиды, стрептоциды, цитостатики, наружные средства... воробьиные уши, рыбы коленки, сапоги всмятку... Некоторые лекарства – ультрасовременные, только что появившиеся, некоторые – настолько древние, что поискать еще нужно, кто их до сих пор выпускает. Слава Богу, Россия – чемпион мира по изготовлению устаревших лекарств. Найдем.

А в целом – ничего необычного. Покупатели всякие бывают. А слово покупателя – закон.

* * *

Инна Александровна пришла на работу как обычно – без пяти девять. Так-так, что тут у нас записано на сегодня? Ага, сегодня должен придти тот самый заказчик – некий В. Харченко. Вот и посмотрим, кто он – мужчина или женщина.

В. Харченко оказался мужчиной. И вовсе даже не голубеньким. Молодой человек высокого роста и атлетического сложения вошел в офис энергичным шагом.

– Инна Александровна? – осведомился он.

– Да...

– Доброе утро, Инна Александровна, – сказал мужчина. – Меня зовут Владимир. Владимир Харченко. Два дня назад я сделал заказ. И хотел бы получить его прямо сейчас, если вас не затруднит. Я очень спешу.

Инна Александровна несколько растерялась. Харченко говорил совершенно нормальным мужским голосом. Нисколько не похожим на то, что она слышала два дня назад по телефону.

– Это заказ номер две тысячи триста двадцать? – Инна Александровна тянула время, рылась в бумажках на столе.

– Именно так. Что-нибудь неправильно?

– Нет-нет. Все в порядке. Извините, Владимир... Это вы делали заказ? Лично?

– Нет, не я.

– А кто?

– Мой помощник. Ах, да... – Молодой человек хлопнул себя ладонью по лбу. – Вас, наверное смутил странный голос? Извините, у моего помощника сложности с голосом. Он очень сильно болел...

Болел. Очень сильно. Ладно, примем в качестве версии. Дался ей этот голос... Обычный заказчик. Обычная (или почти обычная) партия медикаментов.

И все же Инна Александровна нервничала. Что-то было не так с этим молодым человеком. Какие-то неприятные ассоциации шевелились в глубине ее памяти и никак не могли выплыть на поверхность. Она оглядела посетителя еще раз. Длинное пальто из дорогой кашемировой шерсти. Под расстегнутым пальто – идеальный костюм клерка, белая рубашка, полосатый галстук. Удлиненное худощавое лицо – неожиданно загорелое для ноября. Дымчатые очки в деревянной оправе – по последней моде. Светло-пшеничные жидковатые усики. Усы светлые, а глаза черные. Не сочетается как-то! Блондин с черными глазами? Посмотреть бы, какие у него волосы, но их не видно – они полностью скрыты под кепи с опущенными меховыми наушниками.

"Молодой человек, головной убор в помещении нужно снимать!" – захотелось сказать Инне Александровне. Конечно же, она не сказала этого. Вежливость с клиентом – атрибут обязательный.

Инна Александровна вовсе не была следователем на пенсии или тайным агентом ФСБ. Но двадцать пять лет работы с людьми приучили ее оценивать людей, привычно классифицировать посетителей по видам и подвидам. Этот молодой человек не относился ни к какой из известных ей пород. Он пытался мимикрировать под "Громилу вежливого, продвинутого", но глаза и уши Инны Александровны постоянно натыкались на несоответствия и несуразности в его внешности и поведении, отмечали их автоматически.

Охранник, гаденыш, бродил где-то в дебрях разветвленного этажа. Скорее всего трепался с девчонками-продавщицами из мебельного салона. Набрали охранников-сопляков, никогда их нет на месте. На этот раз она все-таки пожалуется директору. Сколько можно терпеть?

– Извините, Владимир... – Инна Александровна лихорадочно соображала, с чего начать. – Вы говорили, что будете платить наличными...

– Ну да, конечно. – Парень улыбнулся, положил свой чемоданчик на стол, открыл его. Пачки банкнот лежали внутри ровными рядами. Больше в большом "дипломате" не было ничего – ни единой бумажки. – Я понимаю, что это не совсем правильно – платить наличными деньгами, – сказал парень. – Но так

сложилась обстоятельства. Я думаю, что в будущем наша фирма э... как это сказать... подружится с вашей фирмой, и мы будем покупать ваши медикаменты за наличные деньги. Нам будет очень приятно работать с вами.

Парень старательно выговаривал сочетания слов, которые, похоже, выучил совсем недавно. Вряд ли он хоть что-то понимал в безналичных платежах. Ну и ладно. Инна Александровна вдруг успокоилась. Все ясно. Молодой человек только осваивает новую профессию. Может быть, это – первый его заказ. Это ему надо нервничать, а не ей.

– Все в порядке, – сказала Инна Александровна. – Ваши медикаменты лежат вон в той коробке. Документы я подготовила, осталось их только распечатать. Партия у вас относительно небольшая, но получилась очень дорогой, потому что некоторые препараты...

– Это все равно, – сказал парень. – Я дам денег сколько нужно. Вы посчитайте. Деньги – это все равно.

Все равно ему... Богатый какой! Инна Александровна произвела калькуляцию, напечатала на принтере все, что положено. Назвала клиенту сумму. Харченко подвинул к ней открытый дипломат.

– Возьмите сколько надо, – сказал он.

Инна Александровна взяла пачку сторублевых купюр в нетронутой банковской упаковке, показала ее парню.

– Владимир, скажите пожалуйста, какая сумма в этой пачке?

– Много, – сказал Владимир. – Я так думаю, что много.

– Вы что, считать не умеете? – Инна Александровна вытаращилась на него с окончательным недоумением.

– Считать – это ваше дело. Я хочу, чтобы вы сами взяли сколько нужно. Я доверяю вам.

Она отсчитала нужную сумму. Пальцы ее слегка дрожали. Заставила его расписаться в документах. Он вывел какие-то закорючки – такие неумелые, словно он в первый раз в жизни писал по-русски.

Потом она побрела к сейфу, открыла его, положила туда деньги... Где, где, где этот чертов охранник? – думала она. Она чувствовала затылком сверлящий взгляд посетителя. Вот сейчас-то все и произойдет. Он стукнет ее чем-нибудь тяжелым, проломит ей череп, потом заберет все деньги и спокойно уйдет. Она вдруг поняла, почему нет охранника. Этот долговязый уже убил его. Убил, закопал, на дощечке написал... Хотя что он мог написать? Он же неграмотный...

Сейф мягко захлопнулся. Инна Александровна повернулась назад, совершенно мокрая от пота. Парень сидел в кресле, положив ногу на ногу и рассматривал, – не читал, а именно рассматривал какой-то из рекламных проспектов. Держал его вверх ногами.

– Все, – произнесла Инна Александровна одеревеневшим голосом. – Вы можете забирать свои медикаменты, Владимир... извините, не знаю, как вас по отчеству. Все оформлено.

– Нет не все, – сказал человек и ноги Инны Александровны едва не подкосились от этих слов, таких вроде бы простых и невинных. – Совсем не все.

– Что же еще? – пискнула она.

– Я хочу узнать кое-что очень важное для меня. Я буду задавать вам много вопросов про эти лекарства. Я запишу кое-что в свой записной блокнот. А потом уйду.

– Хорошо... – Инна Александровна с трудом перевела дыхание. – Пожалуйста, спрашивайте. Я постараюсь ответить.

И он начал спрашивать. Вопросы, как и следовало ожидать оказались крайне странными, порою просто дикими. Человек, покупавший лекарственные препараты, не имел ни малейшего понятия не только о фармакологии, но также о прописных истинах химии и биологии, известных любому, закончившему среднюю школу. Он упорно называл содержимое ампул "эликсиром", а драже – "волшебными камушками". Он распотрошил всю свою коробку, выкладывал

медикаменты на стол один за другим и спрашивал, спрашивал, спрашивал. И черкал при этом что-то в записной книжке, обтянутой дорогой натуральной кожей.

Сколько длилась эта пытка? Судя по часам, минут двадцать. Наконец парень положил свою записную книжку на стол, убрал ручку в карман и сказал:

– Я доволен, Инна Александровна. Я очень доволен. У меня осталось еще только два вопроса. Про два последних лекарства. Но эти вопросы – самые важные...

Он поставил на стол коробку и начал складывать медикаменты обратно – тщательно, аккуратно.

Его записная книжка открытой лежала на столе. Инна Александровна обомлела, когда увидела то, что там написано. Не русский язык, не английский алфавит, ни даже что-нибудь грузинское или арабское. Палочки и треугольные значки. Что-то совершенно непонятное...

И в то же время очень знакомое.

Инна Александровна интересовалась историей. Она предпочитала исторические книжки женским романам. Она узнала эти значки. Клинопись – вот что это было такое. Шумер, Вавилон, Ассирия... Ассирия. Сирия. Сириец.

О Боже, Сириец!!! Она наконец-то узнала это лицо. Мысленно отлепила от него приклеенные усики, сняла очки и получила портрет, столько раз мелькавший на телеэкранах.

Два месяца о нем не было слышно. Изрядно перепуганный нижегородский обыватель успокоился, решил, что опасный маньяк исчез навсегда, и начал забывать про Сирийца. Но Инна Александровна не забыла.

Паника обдала волной, заставила кровь отхлынуть от лица. Но она справилась с собой.

– Позвольте я позвоню по телефону, Владимир, – произнесла она совершенно спокойным тоном. – Я хочу уточнить кое-что по одному из ваших вопросов.

– Да, конечно. Звоните.

Она набрала номер. Дождалась ответа. И начала говорить – медленно, обстоятельно, стараясь не сорваться на испуганный крик.

– Здравствуйте. Вас беспокоит представитель фирмы "Нижегород-Форте". Наш адрес: улица Горького, дом номер сто пятьдесят. Одиннадцатый этаж. Записали, да? Так вот слушайте: у меня тут Сириец! Да, тот самый! Пожалуйста, приезжайте побыстрее...

Парень хлопнул ладонью по рычагу и телефон замолчал.

– Что же вы, Инна Александровна? – сказал Сириец, криво ухмыляясь. – Я к вам пришел с добром, я честно заплатил вам большие деньги, я был вежлив. Я не пытался вас убить и не отнимал у вас ваше имущество. Я просто взял бы лекарства и ушел. Теперь все будет сложнее. Намного сложнее...

Она вскочила, пытаясь убежать, но могучий хлопок по плечу вколотил ее обратно в кресло.

– Сиди, старая глупая женщина, – холодно произнес парень. – Сиди и не пытайся что-то сделать. Так будет лучше для тебя. Поверь мне.

Он подошел к двери и запер ее на замок.

– У них есть ключ? – спросил он.

– Да.

– Понятно... – Он подошел к огромному сейфу, стоявшему у стены и решительно взялся за него. Скрежет, грохот... Инна Александровна не поверила своим глазам – парень своротил с места тяжеленный железный шкаф, который некогда затаскивало сюда шестеро мужиков, и неумоимо двигал его к двери. Сейф закрыл дверной проем полностью. Сириец не удовлетворился этим. Он придвинул к сейфу стол, поставил на него второй стол, на стол – телевизор... Вскоре вся мебель, кроме двух кресел, громоздилась кучей, закрывая баррикадой единственный вход в офис.

– Теперь вы убьете меня? – прошептала Инна Александровна.

– Нет. – Сириец покачал головой. – Поздно тебя убивать. К тому же, в этом нет смысла. А боги не любят бессмысленных убийств.

– Почему вы не пытались убежать? Возможно, у вас получилось бы...

– Я же сказал тебе, женщина. Ты должна ответить еще на два моих вопроса. Я слишком долго готовился к этому дню, чтобы уйти, не получив то, что мне нужно.

Глухой шум послышался из-за мебельной баррикады. Стучали в дверь, кричали что-то. Сириец усмехнулся. Он сел на стул и взял в руки записную книжку и ручку.

– Не вздумай лгать мне, женщина, – сказал он. – Я почувствую, если ты начнешь лгать. И тогда у меня появится причина, чтобы наказать тебя.

Неожиданно зазвонил телефон, стоявший на полу. Парень поднял трубку и приложил ее к уху.

– Да, – сказал он. – Нет, Инну Александровну я не позову. Я сам буду говорить с вами. Я – мусульманский борец Иштархаддон. Я требую, чтобы все сирийские узники были выпущены из тюремных застенков. И чтобы мне сюда доставили два милте... два миллиона рублей. – Он с трудом выговорил слово. – И еще оружие – два автомата. И вертолет с этим... как его там... с возничим вертолета. Я даю вам на все это два часа. Если вы так не сделаете, я убью эту женщину и взорву это здание. Под него положены бомбы. Все. Пока.

Инна Александровна не верила своим ушам. Бред, полнейший бред! Почему эти террористы все такие кретины? Наверное, он обкурился опиума.

– То, что я сказал этим людям – огромная глупость, – сказал Иштархаддон, кладя трубку на место. – Не думай, что я такой дурак на самом деле. Я сказал это только для того, чтобы протянуть время. Начинай отвечать на мои вопросы, женщина. Я буду слушать тебя и записывать. После этого я уйду.

– И как же вы уйдете? – Нина Александровна покосилась на заваленную дверь.

– Это мое дело. Я знаю, как уйти, и я уйду. Начинай.

* * *

Через двадцать минут Иштархаддон сказал:

– Все, достаточно. Теперь я буду уходить.

Он достал из кармана широкую бобину скотча и тщательно обмотал коробку с медикаментами. Потом подошел к окну и раздвинул пальцами две металлические полоски жалюзи. Заглянул в образовавшуюся щелочку.

– Ого, – сказал он. – Видела бы ты, женщина, что здесь творится! И все по твоей вине! Впрочем, сейчас ты увидишь. Иди сюда.

– Я не пойду. Я боюсь.

– Не сердь меня. – Иштархаддон взмахнул рукой и в руке его появилось тонкое лезвие. – Иди сюда. Иначе мне придется перерезать тебе горло. А я не хочу доводить дело до этого.

Инна Александровна торопливо засеменила к Сирийцу. Он поставил ее перед окном, одним рывком сорвал жалюзи вместе со всем крепежом и спрятался за стеной справа от окна.

– Что ты видишь? – спросил он.

– Внизу – машины. Много машин и людей.

– Это милиция?

– Да.

Инна Александровна смотрела вниз. Внизу творилось черт знает что. Оцепление, отгоняющее любопытную толпу. Милицейские машины, мигающие красными и синими огнями, скорая помощь. Крутобокая пожарная машина с выдвинутой уже лестницей. И телевизионщики. Куча телевизионщиков. Надо же, успели! Кто их известил? Вот ведь вороны – чуть что случится, летят галдящей стаей, чтобы ухватить лакомый кусок. Кормятся на чужом несчастье...

Снайперов Инна Александровна не видела. Вероятно, и не должна была видеть. Но догадывалась, что они должны быть. Сириец сидел костью поперек горла у стражей порядка. Сириец был достаточно крупной птицей, чтобы не жалеть средств на охоту на него.

– Открывай окно, – сказал Сириец.

– Мне страшно, – прошептала Инна Александровна. – Там могут быть снайперы. Они могут попасть в меня. Вы знаете, что такое снайперы?

– Знаю. Это искусные стрелки с ружьями, стреляющими очень далеко. У них есть специальные трубки для зрения. Они увидят, что это ты, женщина, а не я. Они не будут стрелять в тебя.

– Я боюсь.

Иштархаддон без предупреждения полоснул ее по руке своим лезвием. Инна Александровна закричала, схватилась за руку. Она ожидала нащупать горячую кровь, но пальцы ее встретили только разрез шерстяной ткани. Широкий рукав был располосован вдоль всего плеча.

– Это последнее предупреждение. – Раздражение появилось в голосе Иштархаддона. – Для тебя я страшнее, чем те люди. Намного страшнее. Открывай окно.

Инна Александровна торопливо повернула ручки окна одну за другой, распахнула раму. Морозный воздух ворвался в комнату, ледяным холодом обдал ее тело.

– Залезай в окно.

Инна Александровна, всхлипывая от ужаса, полезла на подоконник. Она вскарабкалась на эту высоту, показавшуюся ей отвесным уступом над голодным ртом бездонной пропасти. Она вцепилась пальцами в доску подоконника, замерла на четвереньках, боясь глянуть вниз и пошевелиться.

– Вставай.

– Я не могу, – простонала Инна Александровна. – Правда, не могу.

– Хорошо. Я помогу тебе.

Она даже не успела понять, как это произошло. Сильная рука схватила ее за шиворот и выпрямила в полный рост. Через мгновение Сириец стоял на подоконнике сзади от Инны Александровны. Он обхватил ее правой рукой поперек живота, поднял вверх и держал как куклу, прикрываясь ее телом от возможных выстрелов. Ноги Инны Александровны болтались в воздухе.

Ее затошнило – ей показалось, что они уже падают вниз. Она крепко зажмурила глаза и сжала зубы.

– Эй, вы, доблестные воины милиции! – закричал Сириец. – Перед вами я, Иштархаддон Непобедимый из рода Слышащих Иштар, любимец богов! По воздуху хожу я как по земле, и скалы расступаются предо мной волею Царицы Цариц! И вострепещут предо мной все царства Обитаемого Мира... Не стреляйте в меня, воины! Если вы попадете в меня, то я уроню эту женщину вниз и она умрет!

– Немедленно отпустите женщину, Иштархаддон, – гаркнул мегафон снизу. – Слезьте с подоконника, подойдите к телефону и мы начнем переговоры! Мы гарантируем вам безопасность, только не трогайте женщину...

– А мои деньги? – крикнул Иштархаддон. – Вы принесли их?

– Да. Сейчас вы получите их.

– А вертолет с возниким?

– Он ждет вас.

– А узники Сирии? Вы отпустили их?

– Да! Всех до одного.

– Все-таки они считают, что я – полный дурак, – негромко сказал Иштархаддон на ухо Инне Александровне. – Надеюсь, ты-то так не считаешь?

Инна Александровна отрицательно помотала головой. Говорить она не могла.

– Ну и отлично, – сказал Иштархаддон. – Тогда – вперед!

И прыгнул в окно.

ГЛАВА 9

Игорь смотрит телевизор. Только что позвонила Ленка, а потом приятель Серега, а потом еще куча знакомых, и все они кричали, орали, требовали, чтобы он немедленно включил телевизор. И вот Игорь мрачно вышагивает по комнате, курит сигареты одну за другой, а чертов ящик безжалостно показывает то, что так не хочет видеть Игорь.

Иштархаддон. Снова объявился, сириец-ассириец проклятый. Снова его физиономия крупным планом во всех сводках новостей. Лицо, неотличимое от лица Игоря Маслова.

Непонятное четырехное, четырехрукое существо в окне здания, одиннадцатый этаж. Камера приближает изображение и становится видно, что высокий мужчина держит перед собой женщину. Мужчина что-то кричит, гортанный голос его разметывается ветром. Менты внизу суетятся, люди в бронежилетах и касках ползут по выдвинутой лестнице пожарной машины. Снова показывают мужчину. Диктор говорит что-то о Сирийце и мусульманском терроризме...

Мужчина прыгает. Не просто прыгает – закручивается волчком... Замедленный повтор изображения. Видно, что, прыгая, мужчина успевает закинуть женщину в окно, обратно в комнату. Он летит вниз в одиночестве, кувыркается в воздухе и полы его длинного пальто хлопают беспомощно – как переломанные крылья. Левой рукой мужчина прижимает к себе картонную коробку. До земли остается десять метров... пять... два метра...

В двух метрах от земли мужчина исчезает. Бегущие люди с автоматами. Недоуменные физиономии офицеров...

– Как ты делаешь это, Иштархаддон? – бормочет Игорь. – Кто ты? Как мне встретиться с тобой?

* * *

Игорю снова пришлось встретиться с Иваном Бейлисом. Судя по всему, Иван Аронович, припертый к стене новыми обстоятельствами, – Иштархаддон, исчезающий в полете и все такое прочее, – вынужден был взяться за дело всерьез. Только толку от этого всего было мало. Что мог ему поведать Игорь? Конечно, Игорь рассказал о золотой подвеске, поведал кое-что об образе жизни и мировоззрении древних ассирийцев. Посмеялся вместе с Иваном Аронычем над парой свежих анекдотов. Но самое главное и сокровенное, гипотезу свою, объясняющую происходящее, Игорь оставил в секрете. Каким бы продвинутым в плане всевозможных чудес не был Бейлис, вряд ли он воспринял бы это всерьез. Тем более с его-то гипертрофированным чувством юмора...

Игорь догадывался о многом. А может быть, существовала все же какая-то сверхъестественная, иррациональная связь между ним и его двойником? Все чаще Игорь видел ночью пугающие сны – страна, похожая на Ассирию и так не похожая на нее. Страна, где за провинность перед богами отрубают людям кисти и ступни и вешают их вниз головой. Страна, где домашний скот кормят человеческим мясом...

Игорь Маслов лежал на диване и размышлял.

Он уже почти заснул, когда раздался звонок в дверь. Игорь сонно помотал головой, поглядел на будильник – двенадцать часов ночи, между прочим, – и

пошел открывать.

На пороге стояла девушка в короткой песцовой шубке. Рыжая. Симпатичная. И безмерно усталая. Темные круги вокруг ее глаз говорили о хроническом недосыпании.

Игорь видел ее однажды. И никак не мог поверить, что видит ее снова. Именно ее. Живую. Воочию.

– Привет, Игорь, – сказала она.

– Здравствуйте, – вежливо сказал Игорь. – Вы ко мне?

– К тебе.

– М-м-м... И по какому же вопросу?

– А вот по какому, – девушка достала из кармана фотографию и показала Игорю.

Игорь взял фотографию, поднес ее чуть ли не к самому носу, близоруко прищурился. На снимке, на диване в какой-то комнате, сидела эта самая рыжая девчонка. Она улыбалась. Ее обнимал за плечи здоровенный детина и тоже улыбался. Детина, выражаясь юридическим языком, был мужчиной, похожим на Игоря Маслова. Похожим как две капли воды. Но он не был Масловым.

Иштархаддон – вот как звали этого мужчину.

– Что ж, это веский аргумент, – сказал Игорь. – Как тебя зовут?

– Милена.

– Прошу в гости, – Игорь гостеприимно махнул рукой. – Чайку, кофейку?

– Спать я хочу, – сказала девушка и зевнула.

* * *

– Как же так, милая Милена, – сказал Игорь, глядя девушку по голове, по жесткому ежику коротких рыжих волос. – Почему все так произошло? Почему ты пришла ко мне и сразу же затащила меня в постель? Почему мы до сих пор не спим, хотя за окном уже светает? Почему ты все еще не насытилась и хочешь меня снова?

– Потому что я тебя люблю.

– Как ты можешь меня любить? Ведь ты видишь меня в первый раз в жизни?

– Я знаю тебя – всего, каждую клеточку твоего тела. Я жила с тобой два месяца, но это больше, чем вся моя жизнь. Я занималась с тобой любовью каждый день, помногу раз в день. Мне плохо без тебя. Я действительно люблю тебя. Я не могу без тебя жить. Я вспоминаю твои руки, твой голос. Когда ты ушел, я проплакала всю неделю. И вот не выдержала, пришла к тебе. Не прогоняй меня...

– Ты любишь не меня. Ты любишь его. Иштархаддона.

– Хадди. Да, я люблю Хадди. Но ты – это и есть он.

– Иштархаддон – другой человек. Не я.

– Он – это ты. Другой ты. Из другой страны, другого мира. Но это именно ты. Твой запах, твой вкус... Чувства обостряются в любви, их нельзя обмануть. Когда мы любим друг друга, я знаю, что не ошиблась. Я снова нашла тебя. Мне так тоскливо без тебя, Хадди... Игорь...

Игорь гладил девушку по спине, по маленьким упругим ягодицам. Она прижималась к нему, облизывала лицо его нежным мокрым язычком. Игорь чувствовал, что желание снова поднимается в нем, поднимает его, заставляет чаще биться его сердце и сладко, истомно кружит голову.

Он мог бы полюбить ее. Бросить ради нее все то, что давно стоило бросить. Жаль, что она принадлежит другому. Иштархаддону.

– Он сильнее меня, – сказал Игорь. – Намного сильнее. Я – длинная тощая жердь с очками на носу. Как ты можешь сравнивать нас?

– Ты такой же. Когда я закрываю глаза, я не могу отличить тебя от тебя. Когда ты любишь меня, когда двигаешься внутри меня, когда доставляешь мне радость... Это то же самое. Это так же изумительно. И сопишь ты точно так же.

– Расскажи мне о нем. О Хадди.

– Я расскажу... – Девушка уже обнаружила, что Игорь снова готов, и, кажется, собиралась немедленно воспользоваться этим. – Расскажу... После того как мы закончим...

* * *

Утренний кофе. Раньше Игорь часто пил его на своей кухне с Ленкой. Ему доставляли удовольствие завтраки с Ленкой – она готовила для него бутерброды с семгой, варила кофе как-то по-особому... Иногда ему даже казалось, что он может полюбить Елену.

Сейчас он никак не мог заставить себя поверить в это. Наверное, Ленка по-прежнему любила его. Во всяком случае, она очень переживала из-за того, что между ними пробежала черная кошка. И уж в любом случае, ей очень не нравилось то, что Игорь вдруг стал самостоятельным. Что он сам разбирается в своих проблемах и не спрашивает ее совета.

Все изменилось после появления ассирийца. Изменилось и продолжало меняться с каждым днем.

Милена стояла и смотрела в окно. Смотрела, как тихо падают хлопья утреннего снега – ложатся на ветки деревьев, превращают их в пушистые лапы, пригибающиеся к земле.

– Хочешь, я прочитаю тебе стихи? – спросила она.

– Хочу. Я люблю стихи.

– Слушай:

По новому снегу,

По новому кругу -

Озябшие боги,

Горячие вьюги.

С крутым поворотом,

С серебряным звоном -

К убитым животным,

Упавшим без стога.

И новые песни,

И новые сказки -

За старую лезтью

Кокетливым глазкам.

И снова до боли,

И снова до страха

Изъедены молью,

Восходят на плаху

Озябшие боги,

Горячие вьюги -

По новому снегу,

По новому кругу... [3 - Стихи Ирины Малышевой]

– Хорошие стихи, – сказал Игорь. – Очень хорошие. Кто их написал?

– Я.

– Кто ты, Милена? Ты поэтесса?

– Я не люблю это слово – поэтесса. Оно некрасивое, оно звучит почти как "директриса". Просто я пишу стихи.

– Почему у тебя такое странное имя, Милена? Ты не от мира сего. Ты необычна не менее, чем твой Иштархаддон.

– Я очень даже от мира сего, – улыбнулась Милена. – Ты даже не представляешь, насколько. Я хорошо знаю изнанку этой жизни. Потому что мне часто не хватает денег... Вернее, мне всегда не хватает денег, и мне приходится зарабатывать их. Зарабатывать... своим телом.

– Так ты что... – Игорь замешкался, подбирая подходящее, не слишком грубое слово. – Ты – девочка по вызову?

– Вовсе нет. У меня нет хозяина. И я не занимаюсь этим с кем угодно. Только с тем, кто мне нравится. С иностранцами.

– С иностранцами? – изумился Игорь. – Но они же беднее русских!

– Зато безопаснее. Я выбираю тех, кто хочет романтического приключения, а не просто необременительного быстрого секса. Я не хочу иметь проблем с русскими. Знаю я их. Моргнуть не успеешь – приберут тебя к рукам, поставят на конвейер и работай тогда на дядю! Я не проститутка, и не собираюсь становиться проституткой. Это мое хобби.

– Ничего себе хобби... – хмыкнул Игорь. – А чем ты занимаешься обычно? Помимо своего... хобби?

– Сажу в Интернете. У меня там сайт. Литературный. В основном – переводы иностранных стихов. Мои переводы. Ну и мои стихи, конечно. Заметки на всякие темы. Альтернативная поэзия. Много ли на этом заработаешь?

– Как этот сайт называется?

– Не скажу, – произнесла Милена с неожиданным упрямством.

– Это сайт "serebro.ru", – сказал Игорь. – Я захожу на него достаточно часто. Классный сайт – умный, ироничный, временами прикольный, временами просто вызывающий. А ты, должно быть, Людмила Серебрякова? Так ведь? Я угадал?

– Я Милена, – смущенно сказала девушка. – Не знаю я никакой Людмилы Серебряковой.

– Похоже, что ты – виртуальный человек, Людмила, – Игорь подошел к ней и положил ей руки на плечи. – Ты не только раздвоила свою личность, ты стараешься доказать себе, что Милена и Людмила – это разные люди. И кто же из них больше тебе нравится?

– Милена. Я – Милена, жрица любви. Я уже почти совсем перестала быть Людмилой. Хадди изменил меня. Он сделал меня свободнее. Он говорит, что в нашем мире нет рабов, но теперь я понимаю, что это не так. Большинство людей в нашем мире – рабы. И те, кто называет себя господами, – рабы в наибольшей степени. Рабы своего богатства, своей значимости. Заложники своего успеха. Успех обрекает их на стандартность желаний и поступков.

– В стране Иштархаддона все по-другому?

– Там еще хуже. Его мир убог и беспредельно жесток. Смерть там – более естественная вещь, чем жизнь.

– Чему же тогда мог научить тебя Иштархаддон – дитя своего мира?

– Хадди – не такой как все. Он необычен для нашего мира, но необычен и для своего. Он мечтает изменить свой мир, но не знает, как сделать это. Наш мир привлекает его, но Хадди боится нашей изнеженности. Он знает, что в том мире может выжить только сильный, может процветать только жестокий. Войны никогда не кончаются там, и все их боги – это боги войны. Даже боги-женщины.

– Иштар?

– Да. Великая Львица Львиц, Царица Цариц. Покровительница Хадди. Его кумир.

– Ты на самом деле считаешь, что он и я – это одна и та же личность?

– И да и нет. Но скорее да. Я не знаю, как это может быть. Я просто вижу, что ты – это Хадди, родившийся в нашем мире. И все больше убеждаюсь, что Хадди – это ты, родившийся там.

– Как он приходит сюда?

– Он не может объяснить. Или не хочет. Он говорит, что этот дар дала ему богиня Иштар.

– Это ты помогла ему ограбить аптеку?

– Не ограбить! – Милена фыркнула. – Он заплатил этой фирме деньги. Честно. Мы все так тщательно готовили. Мы разработали план. Я учила Хадди самым простым вещам нашей жизни. Я показывала ему как правильно ходить, глядеть, разговаривать, – так, чтобы не пугать людей. Я сама звонила в эту фирму, говорила измененным голосом, чтобы не подставлять Хадди.

– Это еще зачем?

– Конспирация. Наверняка его голос занесен в милицейскую картотеку и может быть выявлен через автоопределитель в городской сети. Я хорошо загримировала Хадди. У нас все было продумано и просчитано. И если бы эта баба не подняла панику...

– А деньги откуда взял твой Хадди? – любопытствовал Игорь. – На улице нашел? Заработал честным трудом у токарного станка? Насколько я помню, он совершил несколько ограблений подряд, и при этом изувечил немало людей.

– Ну да, конечно... – Милена смутилась. – Но все это было до меня. После того как я привела его к себе и он стал жить у меня, он больше никого не грабил. Хадди – хороший!

– Почему же он пытался убить тебя, этот хороший Хадди? – в упор спросил Игорь.

Милена вздрогнула, глаза ее испуганно расширились.

– Убить?.. Ах да... Но это было только в первый раз. Откуда ты знаешь про это?

– Я видел это, – сказал Игорь. – Видел в одном из своих снов. Наверное, это происходило одновременно – я спал, а Иштархаддон собирался перерезать тебе глотку. Я многое знаю о нем, хотя ни разу не видел его живьем. И то, что я о нем знаю, еще больше убеждает меня в том, что он – это не я. Он жесток. Холодно жесток, иногда безумно жесток. Я – мямля, Милена. Должен тебе признаться, что я – слабохарактерный добрячок и на мне ездят все кому не лень.

– Наверное, ты был мямлей, – сказала Милена. – Теперь ты не похож на мямлю. И даже на добрячка не похож. Я знаю, когда твой характер начал меняться. Тогда, когда Хадди появился в городе. Я угадала?

– Угадала.

* * *

Игорь ушел на работу и оставил Милену дома. Ему было приятно думать о том, что он вернется домой и снова увидит Милену. Им было о чем поговорить. Им было чем заняться вдвоем. Ему хотелось скорее вернуться к ней.

После бессонной ночи Игорь клевал носом – едва провел две пары и попросил Леночку подменить ее. Лена интересовалась, с чем это связано, а после невразумительного ответного мычания язвительно спросила: уж не с негрityнчочкой ли снова развлекался Игоречек? На что Игоречек сказал, что да, с негрityнчочкой, даже с двумя, а еще с негритеночком, и с пятью эскимосскими лесбиянками и с одним белым медведем. Ленка обиделась – хлопнула дверью так, что едва не высадила косяк. Игоря это вполне устраивало. Третью пару занятий, правда, пришлось вести ему самому. Что ж, пора привыкать решать свои проблемы самостоятельно.

Когда Игорь пришел домой, то обнаружил, что Милена сидит за компьютером. Его компьютером. Сидит в полной отключке, вперившись в экран. Нырнула в Интернет, утонула в Интернете и даже не пускает пузырей.

– Эй, Милена, – удивленно сказал Игорь. – Как ты влезла в мою компьютер? Там же пароль?

– Знаю. Я подобрала пароль.

– Какой?

– Я написала "Иштархаддон". И угадала с первого раза. Похоже, ты задвинут на Иштархаддоне не меньше, чем я.

– Это точно. Что там новенького в Интернете? Что пишут про нашего ассирийского друга?

– Пишут, что он объявился снова. Появился одновременно в Москве, Хабаровске, Буэнос-Айресе, Харбине, Кракове и Йоханесбурге. Что убил пятнадцать человек, ограбил три банка и изнасиловал двух девочек-подростков. В двух местах его поймали и борода его оказалась фальшивой. В одном из мест к тому же выяснилось, что он – загримированный негр.

– И что ты на это скажешь?

– Чушь это! – фыркнула Милена. – Хадди находится сейчас в своей стране. Своем Ашшуре. Занимается своими делами. Он получил в нашем мире то, что ему было нужно, и вряд ли скоро вернется. Если вообще вернется когда-либо. Наш мир не для него.

– Кто он такой, этот Иштархаддон?

– Это ты. Ты – мой любимый Хадди.

– Я уже слышал это, – устало сказал Игорь. – Знаешь, Милена, мне уже наплевать, я этот Хадди или не я. Пусть даже я. Я хочу получить от тебя хоть какую-то информацию, а ты рассказываешь мне о своих чувствах. Зачем он пришел сюда? Расскажи мне, ты же знаешь. Это как-то связано с лекарствами?

– Да. Можно сказать и так. – Девушка пробежалась пальцами по клавишам, приостановила работу компьютера и повернулась к Игорю. – Только Хадди не

интересовало то, что это лекарства. Для него все они были компонентами некоего зелья. Зелья Иштар. Он называл его Цветком Юности. Он изго товит это зелье, намажется им или выпьет его, – тут я не разобралась, – и станет неуязвимым. Что-то в этом роде.

– Так-так... – задумчиво произнес Игорь. – Маленький вопросик: откуда древняя богиня Иштар узнала названия наших лекарственных препаратов? Позвонила в аптеку? Залезла в фармакологический справочник?

– Я сама чуть не упала, когда увидела это, – сказала Милена. – Ты представляешь, Хадди показывает мне какой-то кусочек тонкой кожи, пергамент, а там написан список лекарств. На английском языке! Английскими буквами!

– И кто же его написал? Великая Иштар?

– Сам Хадди! Точнее сказать, он не написал, а перерисовал эти надписи. Он понятия не имел, что они означают. Он знал только, что это – составляющие того самого зелья.

– Откуда он их перерисовал?

– Он сказал, что в храме Иштар есть много потаенных хранилищ. В них содержатся знания, украденные этой Иштар у какого-то старого бога. Как там его... Эя, что ли?..

– Эйя. Ассирийцы звали его Эйя. А предшественники ассирийцев, древний народ шумеры, называли его Энки. Это бог-отец. Энки породил всех остальных богов. Он вылепил людей из глины. Тебе ничего это не напоминает?

– Как наш Бог – Адама и Еву...

– Вот именно. Энки – самый старый бог. Бог мудрости.

– Хадди рассказал мне целую историю про этого Энки и про Иштар. Только я не поняла ничего. Там было слишком много имен богов...

– Это известная шумерская легенда. Хочешь, я перескажу тебе эту сказку?

– Давай. Только Расскажи как-нибудь попроще. Чтобы я хоть что-то поняла.

– Ладно, попробую. Значит, так: этот Энки нарожал разнообразных богов, создал людей. Раздал богам под покровительство людские города, дал каждому из богов какое-то особенное умение. И, видать, решил, что с него достаточно. Энки спрятался в свое собственное потаенное царство – в глубину подземного океана, Апсу, как называли его ассирийцы. Стал там жить-поживать, да добра наживать. Собственно говоря, добра у него там было более чем достаточно – в его подводном дворце хранились все знания о силах, управляющих миром, божественным и людским. По-шумерски эти силы назывались «ме».

– Ме ? – Милена засмеялась. – Что, эти шумеры были козлами?

– Сама ты коза! На их языке ме означало «сущности». Слушай дальше. Однажды Иштар (шумеры звали ее Инанна), хозяйка города Урук, внучка старикана Энки, решила, что дедуля обделил ее. Сделал ее всего лишь богиней любви и плодородия. А ей хотелось чего-то большего. Иштар была бабенкой решительной – села на тростниковую ладью и поплыла к деду. Надо сказать, что Иштар отличалась не только честолубием и решительностью – она была еще и красива. Я бы сказал, что божественно красива. Старикан Энки, отвыкший уже от женщин, но еще очень даже бодрый в смысле мужского здоровья, просто обалдел от ее красоты. «Эй, Исимуд, – кликнул он своего главного советника, – накрывай скорее стол, тащи на него мои любимые ячменные лепешки с медом, ароматный сыр, ставь чаши, наполненные хмельным напитком сикерой. Сердце мое ликует!» И началось пиршество. Иштар резво подливала, Энки глушил чашу за чашей, и в конце концов напился до поросычьего визга. Сикера выбила из старого бога разум и заставила его потерять осторожность. «О великий дедуля Энки, – сказала тогда хитрая Иштар, – мудрейший из богов и людей, знающий все, чему можно научиться в прошлом и в будущем, почему ты так обидел меня, любимую свою внучку?» «Как обидел? – встрепнулся Энки. – Ты же у меня богиня любви и все такое? Разве этого мало? Я лично тебе завидую»... «Мало! – завопила ненасытная Иштар. – Сам посмотри: эта задавака Аруру со своим сосудом из лазурита назначает царей в городах людей. Одна из моих сестриц, Нидаба, следит за соблюдением границ и договоров, другая, Эрешкигаль, злюка и уродина, вообще отхватила себе все Царство Мертвых. А мне что осталось? Умение трахаться, пардон, заниматься любовью? Да это и так каждый умеет – даже ослы и бараны! Богиня я в конце концов или нет?..»

"Ты права, внучка моя, – вскричал тогда расстроенный Энки. – Надо срочно подарить тебе что-нибудь. Так, что у нас там осталось? Золотое веретено отдал толстушке Нинмуг, серебряную мотыгу – трудяге Кабту... Господи Боже, настрогал детей-внуков, всех уж и не упомнишь. Подарки им всем на Рождество... А, вот! Барельефы и глиняные таблички. Все, что осталось у старика. Прости, милая Иштар, больше ничего нету".

"Пойдет и это, – торопливо сказала сообразительная Иштар. – Спасибо, великий дедуля Энки. Ты очень славный".

Она чмокнула окончательно сомлевшего деда в щечку, уложила его спать, а сама срочно велела грузить в ладью все надписи, высеченные на камнях, глиняные таблички судебных, драгоценные амулеты жрецов, стелы с барельефами и все прочее, составлявшее это самое «ме» . И рванула вверх по реке Евфрату, домой в свой город Урук.

– Ты же говорил, что она украла все это у старика Энки, – заметила Милена. – А так выходит, что он ей сам все подарил.

– Подарил. А потом передумал. Встал утром с жуткого бодуна, похмелился сикерой и обнаружил, что храм его разорен. Вспомнил, что натворил вчера, и, само собой, пришел в страшную ярость. "Исимуд, мать твою, – крикнул он, – как же ты позволил мне это сделать?!" "Я пытался отговорить вас, великий господин Энки, – пробормотал советник, – но вы не стали меня слушать, изволили рассердиться, и даже ударили меня поддых золотым кастетом. Живот до сих пор болит". "Немедленно в погоню! – завопил Отец Богов, – Величайшие знания, накопленные мной в океанских глубинах, предназначались для всех богов и людей, а эта бесстыжая ветреница Иштар запрет их в своих кладовых! Значит, так, ме вернуть в мой дворец, всех слуг Иштар утопить, а саму ее... Ее тоже приволочь сюда. Я разберусь с ней лично".

При этом Энки мечтательно вздохнул, вспомнив ослепительную красоту богини любви.

– Конечно, у старика Энки вышел полный облом, – сказала Милена.

– Еще какой облом. Карательная экспедиция в составе Исимуда и пяти лахама – морских чудовищ, – рванулись в погоню. Они провели ни много ни мало – семь сражений с Иштар и ее слугами. Но она победила их. Она привела ладью в свой храм. И с тех пор знания богов стали доступны всем людям.

– Теперь я поняла эту историю, – сказала Милена. – Только у Хадди она кончилась совсем не так. Он сказал, что Иштар не отдала людям знания. Сказала, что жестокие и глупые люди полностью истребят самих себя, если получат тайны старых богов. Энки оказался прав. Иштар спрятала эти самые сущности ме в своем храме. Все ассирийцы знают, что они находятся там, но никто не ведает, как добраться до них. Даже жрецы храма. Так вот, теперь самое главное: Иштар открыла Хадди путь в одну из кладовых комнат со своими сокровищами. Только ему. Никто не знает об этом. И выходит, что пергамент, который показывал мне Хадди, это одно из ме .

– Это рисунок с одного из ме , – уточнил Игорь. – Копия. И что, ты хочешь сказать, что древний Энки писал на английском языке? Более того, на современном английском?!

– А черт его знает. Может быть и так. Черт их знает, этих древних богов. Главное состоит в том, что Хадди раздобыл этот список. И получил знание, как перебраться из своего мира в наш. Он сделал это. А теперь он получил свои лекарственные препараты. И наверное, там, в его мире, теперь что-то переменится.

– Это не другой мир, – задумчиво произнес Игорь. – Иштархаддон живет в нашем мире. На нашей же земле. И совсем рядом с нами.

– Где? – встрепенулась Милена. Вид у нее был такой, словно она была готова немедленно сорваться и бежать к своему Хадди, в каком бы пекле он ни находился.

– Успокойся, Милена, – сказал Игорь. – Ты все равно к нему не попадешь, даже если моя гипотеза окажется верной. Я полагаю, что Ашшур находится на Слепой Земле. В нижегородском Слепом Пятне. Хадди случайно не говорил тебе, как он переносится из своего города в наш? Как он умудряется исчезать в воздухе и просачиваться сквозь стены?

– Я спрашивала его. Он никогда не говорил мне, он только улыбался.

– Как он уходил от тебя?

– Он прощался со мной, выходил за дверь и исчезал. Просто исчезал. Однажды я распахнула дверь сразу, через три секунды после того как только он вышел – он что-то забыл и я хотела его догнать. Его уже не было.

– Я знаю, что нельзя пройти через границу Слепой Земли, – тихо сказал Игорь. – Никому не удавалось сделать это. Это так же невозможно, как пройти сквозь каменную стену. Но я хочу попробовать сделать это.

– Я тоже. Возьми меня с собой! – Милена смотрела на него умоляющими глазами.

– Нет. Нечего тебе там делать. Я пойду один.

ГЛАВА 10

Игорь обманул Милену. Он пошел к Слепому Пятну не один.

Сейчас он вспоминал, как требовала, кричала и даже плакала Милена, упрашивая взять его с собой. И как он успокаивал ее, и обнимал, и гладил по голове, и пытался поцеловать, и как неожиданно для себя дико рассвирепел, когда попытки его ни к чему не привели, и с матом выставил ее за дверь своей квартиры, выкинув за ней на лестничную площадку ее шубку и ботинки. Как она потом звонила в дверь, и как он не пустил ее обратно. Как она ушла и как он курил и смотрел в окно, глядя на нее, уныло бредущую по двору, с высоты пятого этажа.

Жестоко ли он поступил с этой девочкой? Наверное, жестоко. Так, как раньше он не поступал ни с кем. Игорь терпеть не мог делать подлости, – и все же иногда совершал их. Совершал потихоньку, потому что мягкокисельный темперамент не позволял ему делать что-либо громогласно, в открытом противодействии. Более того, многие его поступки, совершенные из справедливых побуждений, превращались в свою противоположность – мелкую подлость, и только потому,

что выполнены были исподтишка, без уведомления. Так уж принято считать: открытая пощечина – поступок вроде бы как благородный, а пинок тому же человеку в задницу – что-то совсем неприличное.

Игорь был благодарен Милене за то, что она сравнила его с Иштархаддоном – человеком, которого Игорь так боялся, и на которого в то же время так хотел быть похожим. Игорь злился на Милену за то, что она постоянно путала его и Хадди, за то, что она лезла в его жизнь и пыталась затащить его в новые путы – путы, подобные тем, ленкиным, из которых он только начал вырываться. Именно поэтому он и выгнал ее...

Да нет, вовсе не поэтому. Игорь врал сейчас самому себе. Милена лишь добавила последнюю каплю в чашу, наполненную едким и кипящим раздражением. Главный же источник раздражения, растерянности, испуга Игоря был поистине огромным и совершенно непознанным. И назывался он Слепой Землей.

Игорь Маслов всегда любил Слепую Землю. Любил романтично, платонически, как несостоявшиеся путешественники любят джунгли Амазонки и саванны Африки. Но теперь любовь в его душе все явственнее сменялась нелюбовью, а может быть, даже и ненавистью.

Игорь, как и положено историку-материалисту, предпочитал логичную последовательность в развитии событий, позволяющую осуществить научное объяснение всякого явления. Ассирийский город внутри Слепого Пятна нагло попирает любую логику. Древний город Ашшур, настоящий Ашшур, находился в Двуречье, на территории современного Ирака. Развалины его давно уже были найдены, раскопаны и изучены.

Таким образом, тот Ашшур, что находился в Нижегородской области, не был настоящим – каким-то образом он был продублирован в Слепой Земле. Кто мог сделать это? Боги? Маслов не очень-то верил даже в положенного ему христианского Бога, что же касается многочисленных и разноименных богов древности, то он и вовсе воспринимал их как чистую мифологию. Ну никак не мог он дать им право на собственную деятельность, независимую от деяний людей.

Дубль древнего Ашшура, переживший свой первоисточник на тысячи лет. Выживший, несмотря ни на что, и развивающийся своим неизведанным путем. И

постоянно воюющий с кем-то. С кем мог воевать Ашшур, зажатый в тисках маленького пространства, отделенный от остального мира непроходимой стеной? С городами, которые находились на территории других Слепых Пятен? Но как они могли добраться друг до друга? Как вообще они могли узнать друг о друге?

Нелепица... Бессмыслица... Абсурд.

И в то же время – что-то связанное непосредственно с ним, с Игорем Масловым. С ним, и только с ним. Игорь чувствовал странную собственную вину за то, что происходит. Как будто это он некогда создал Слепые Земли – по недомыслию, по ошибке. Создал, населил их людьми и заставил весь большой мир забыть, что в действительности представляют из себя слепуны.

Чушь невероятная!!! Слышишь ты, сумасшедший?!

Игорь ругал себя последними словами, пытаясь отогнать наваждение, и все равно никак избавиться от грызущего его чувства вины.

Итак, подведем итог – некий Маслов Игорь Михайлович, пол мужской, возраст 27 лет, житель Нижнего Новгорода, считает, что:

1. Он, Игорь Маслов, создал Слепые Земли;
2. Создание Слепых Земель было его ошибкой;
3. Слепые Земли проснулись и это угрожает человечеству;
4. Слепые Земли нужно каким-то образом нейтрализовать или даже уничтожить;
5. Делать это придется самому ему, Игорю Михайловичу Маслову.

Игорь не очень-то хорошо разбирался в психиатрических диагнозах. Но понимал, что совокупность этих пяти пунктов вполне тянула на что-то вроде мании величия. Что делают с человеком, вообразившим, что он – Создатель? Раньше таких побивали камнями, сажали на кол или сжигали на костре. Нынче времена либеральные – такому человеку положена лишь психиатрическая лечебница.

"Доктор, этот мужик в палате – окончательный сумасшедший! Он говорит, что он Бог, а ведь Бог-то – я!"

Был только один способ попытаться разобраться во всем этом – привлечь специалистов. Не специалистов по истории – Игорь и сам бы таковым, – а специалистов по ненормальному.

И Игорь снова напросился на встречу с Бейлисом.

* * *

Игорь шел к Слепому Пятну не один. Шел с Бейлисом. Если говорить точнее, с Бейлисом и еще двумя ребятами могучего телосложения, весьма тренированного вида, к тому же вооруженными настоящими автоматами Калашникова.

Сперва они ехали на милицейском микроавтобусе, пока хватало дороги. Потом дорога закончилась и пришлось идти пешком. Водитель остался караулить машину.

Зона на пять-десять километров вокруг всего периметра Слепой Земли считалась нежилой. По официальной версии это было связано с крайней заболоченностью местных почв. Пять километров унылого редколесья – тонкие больные осинки, чахлые березы, тянущиеся вверх из черного торфяного болота. Вода, хлюпающая под ногами. Впрочем сейчас, в начале зимы, вода замерзла, передвигаться было не так уж и трудно. Снегу намело пока немного, но главное, что облегчало путь Игоря и его спутников – это тропа. Довольно широкая и неплохо утоптанная тропа в снегу, ведущая прямо к границе слепуна. Кто протоптал ее? Кому нужно было ходить зимой по этой гиблой местности?

Игорь знал – кому. Зона вокруг слепуна считалась нежилой только официально. На самом деле водился здесь кое-какой народец. Люди самого мерзкого пошиба. Изгои, избегающие нормального человеческого общества. Преступники, скрывающиеся от розыска. И просто бомжи, просто наркоманы, просто сумасшедшие и прочий человеческий хлам, исторгнутый большим городом, выкинутый на окраинную свалку. Милиция редко добиралась до этих мест – никому не хотелось лезть в странное и опасное место, прочесывать сотни

гектаров выморочного леса в попытке случайно наткнуться на потаенное жилье лихих людей.

Крепыш Бейлис неутомимо шагал впереди Игоря, время от времени останавливаясь, чтобы сделать видеосъемку. Перед Бейлисом шел первый парень с автоматом, по имени Андрей, а сзади от Игоря, последним – второй парень, Николай. Парни имели выражение лиц хмурое, сосредоточенное, Иван Аронович же, по обыкновению своему, улыбался и время от времени балагурил.

Игорь вспомнил вчерашний разговор с Бейлисом. Маслов позвонил Бейлису и попросил о встрече где-нибудь в неофициальной обстановке. Игорь даже предвкушал ужин в каком-нибудь кафе или ресторанчике, однако Иван Аронович решительно отклонил такой вариант и приехал к Игорю домой. Как говорится, не побрезговал.

Дома у Игоря Иван Аронович отказался от горячего чая ("Вредно это: мочевой пузырь лопнет – ноги ошпаришь"), а также от кофе и от любых напитков, содержащих алкоголь. Бейлис с удовольствием выпил залпом стакан минеральной воды "Нарзан" и приступил к разговору.

– Ну, чего, друг мой любезный? – уставился он на Игоря выпуклыми зеленоватыми глазами. – Созрел уже?

– Для чего?

– Для того, чтобы выложить всю правду!

– Какую правду?

– А такую! Самую правдивую! – воскликнул Бейлис. – Про братца своего. Ишакнабалдяна, или как его там.

– Иштархаддона, – поправил Игорь. – Он, конечно, не брат мне, но кое-какие соображения по поводу того, где он может находиться, у меня есть.

– И где же находится этот зловерный преступник?

– Недалеко. На территории слепуна.

– Ох, мама моя! – Бейлис хлопнул себя по колену. – Таки я подозревал, что он – инопланетянин!

– Какой он инопланетянин? Человек он.

– Человек? – Бейлис прищурился. – А если он человек, то как он исчезает? Исчезает в самые ответственные моменты, находясь практически в справедливых руках отечественной правоохранительной системы? Ведь что это такое? Я скажу тебе, что это такое. Для такого ненормального явления принято употреблять термин "телепортация". А обычный человек владеет телепортацией? Я тебе скажу: нет. Потому что телепортация – это дело либо научной фантастики, либо отдаленного технического будущего. Стало быть, этот твой двойник – представитель высокоразвитой цивилизации. Проще говоря, инопланетянин.

Закончив произнесение такой длинной фразы, Иван Аронович откинулся на спинку дивана и сложил руки на груди, очевидно, не сомневаясь в неотразимости своих аргументов.

– Это ваша рабочая гипотеза? – спросил Игорь. – И в деле вашем, которое вы ведете, тоже такая лабуда записана?

– Почему это лабуда? – обиделся Бейлис. – Очень даже хорошая рабочая версия.

– Иштархаддон – не представитель высокоразвитого общества. Наоборот – он выходец из мира древнего, примитивного и крайне жестокого. Именно этим объясняются его бесчеловечные поступки. Для него естественно калечить и убивать людей. Если наша религия, наше мировоззрение запрещает это категорически, то религия его страны считает насилие над человеком непредосудительным, обычным, как любой процесс жизнедеятельности.

– Так, значит... – Бейлис озадаченно соображал. – В твои слова можно было бы поверить, если бы этому было хоть какое-то подтверждение. С чего ты вообще все это взял? С потолка?

– Информация самая достоверная, – сказал Игорь. – От первоисточника.

– От чего-чего?

– От него самого. От Иштархаддона.

– Ты что, встречался с ним?

– Да, – соврал Игорь.

Ложь была необходима для осуществления его плана. Он, конечно, мог бы рассказать про Людмилу Серебрякову, то бишь Милену, с которой Иштархаддон провел целых два месяца. Но не хотелось ему подставлять девушку. Она немедленно загремела бы под следствие как соучастница и даже организатор преступления – нападения на офис фирмы, торгующей лекарствами.

– Как – встречались? – заорал Бейлис. – Да ведь мы же просили тебя, контра ты недобитая, добром просили сообщить нам, если Сириец появится в поле твоего зрения! Мы ж чувствовали, что он должен таки на тебя выйти! Ты ж обещал нам! А сам что? Мы ж его взяли бы! Скрутили и посадили бы!

– Не взяли бы, – уверенно сказал Игорь. – Точно говорю – не взяли бы, да и пострадал бы при этом кто-нибудь из ваших. Вам необходимо изменить тактику по отношению к Иштархаддону. Не нужно пытаться задержать его. Не нужно вообще нападать на него, потому что тех людей, которые угрожают ему, Сириец убивает безо всякой жалости. Зато тех, кто ведет себя спокойно, он уже не трогает. Вспомните женщину в фармакологической фирме: она подставила его, он вполне мог ее убить, но не стал делать этого. Похоже, что Иштархаддон несколько перевоспитался в ходе скитаний по нашему городу. Он понял, что в нашем мире убийство – это самое страшное преступление. И он пытается приспособиться к нашей морали.

– Это он сам сказал тебе, что живет в слепуне?

– Он сам, – снова соврал Игорь.

– И чего теперь?

– Я хочу пойти к слепуну. Я хочу попытаться войти в него.

– Войти в слепун? – Бейлис изумленно округлил глаза. – Да как же такое быть-то может? Ты ведь историк – скажи-ка мне, удавалось ли кому когда в слепун войти?

– Никому и никогда, – очень серьезно произнес Игорь. – Это научный факт. Но ведь и не выходил из слепуна никто и никогда. А теперь вышел. Иштархаддон вышел, мой двойник. Шастает туда-сюда. И это дает мне уверенность, что и для меня граница слепуна будет открыта.

– И на кой же тебе это надо – в слепун идти?

– Я объясню, – Игорь вскочил на ноги, взволнованный важностью момента. Зашагал по комнате по журавлиной своей привычке. – Вы, Иван Аронович, должны понять всю мою ответственность, нет, нашу ответственность перед всем человечеством! Там, в Слепых Землях, живут люди – столь похожие и столь непохожие на нас! В течение тысячелетий они были оторваны от большей части мира и развивались собственным, уникальным путем! Они должны знать и помнить многое о наших общих корнях. Древних корнях! О том, что было навсегда утеряно для нас, представителей современной цивилизации. Нам впервые предоставляется возможность контакта. Уникального контакта, научное значение которого трудно переоценить! И мы с вами должны сделать эти шаги к непознанному.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Справедливости ради автору стоит отметить, что в действительности фотографиями в УВД работают только мужчины, что фотографируемых, само собой, догола не раздевают, и карта особых примет составляется совсем не так, как в данном фрагменте текста. Однако любая бредятина, происходящая в первой части романа, имеет свое логическое обоснование – в этом можно убедиться, прочитав части последующие (примечание автора).

2

Сирруш – мифическое животное вавилонян: грифон с головой и языком змеи, телом, покрытым чешуей, львиными передними и птичьими задними ногами.

3

Стихи Ирины Малышевой

Купить: https://tellnovel.com/ru/plehanov_andrey/slepoe-pyatno

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)